Великая княжна. Live

Автор:
Анна Пейчева

Великая княжна. Live

Анна Пейчева

Уютная империя #1

Как бы мы сейчас жили, если бы сто лет назад не было революции? Как в Англии? А может, даже лучше? Единственное, что можно сказать наверняка – мы бы с удовольствием смотрели по телевизору реалити-шоу с участием членов императорской семьи… Великая княжна Екатерина Романова выбирает себе жениха под прицелом телекамер. Живёт ли настоящая любовь в прямом эфире?

Анна Пейчева

Великая княжна. Live

Телевидение существует для того, чтобы выступать по нему, а не для того, чтобы его смотреть.

Сэр Ноэл Кауард, английский драматург

От автора

А что, если бы Ленин устроил революцию, скажем, в Швейцарии? Году эдак в 1904-м?

Историки, между прочим, утверждают, что Владимир Ильич всерьез присматривался к маленькой беззащитной Швейцарии как к удобной стартовой площадке для перекраивания мирового порядка. Посудите сами: расположена в центре Европы. Опутала весь мир золотой банковской сетью. А ежегодные карнавалы? В 1901 году Ленин писал матери: «Процессии ряженых на улице, повальное дурачество, тучи конфетти, бумажные змейки, и прочая, и прочая. Умеют здесь публично, на улицах, веселиться!» Ведь ясно из этих строк: Владимиру Ильичу в Швейцарии ужасно нравится!

Вот еще один отрывок, из другой его записки, адресованной товарищу Карпинскому: «А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам – обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть, и Россией пахнет». Угадайте, где господин Ульянов изволил сочинить это письмо? Может быть, на Алтае? Или на Кавказе? Или, возможно, сидя в холодной избушке на Уральском хребте? Отнюдь! На фешенебельном горнолыжном курорте в Альпах.

Ленин прожил в Берне, Цюрихе, Женеве много лет. А в возрасте за сорок так трудно отказаться от своих маленьких привычек: чудесный швейцарский сыр на завтрак; за ужином в кафешке – бокал легкого вина, помогающий снять головную боль после долгого просиживания штанов в библиотеке.

И никто не сможет меня убедить в том, что Надежда Константиновна сумела остаться равнодушной к восхитительному молочному шоколаду.

Одним словом, революция в Швейцарии? Почему бы и нет?

А российская история тем временем свернет на другие рельсы. Где нет никакого Кровавого воскресенья, а 1917-й – обычный, ничем не выдающийся год. Где нет никакого расстрела царской семьи. И Романовы продолжают править страной.

Посмотрим, куда они нас приведут.

Глава 1. День Гнева

Великая княжна Екатерина была вне себя от ярости.

Обидно, если тебя бросает бойфренд. И вдвойне обидно, если он бросает тебя ради какой-то кухарки. Вы только вдумайтесь: кухарки! Глупой веснушчатой девицы, которая никогда не сможет управлять государством. В отличие от нее, Екатерины Николаевны Романовой, без пяти минут императрицы Всероссийской.

И как назло, все это случилось накануне большого праздника, когда ей нужно предстать перед народом. Желательно не в зареванном виде.

Верноподданные уже с вечера начали занимать хорошие места на расчищенной от снега Дворцовой площади. Император распорядился включить подогрев брусчатой мостовой вокруг Зимнего, и ожидание было комфортным – петербуржцы словно оказались на бесплатном сеансе стоунтерапии. Горячими были не только камни, но и торги за участки, близкие к балкону дворца. Наиболее деятельные граждане, любящие деньги больше, чем государя, неплохо заработали на своем ночном бдении, продав занятые с вечера места богатеньким соням.

Над тысячами голов сновали туда-сюда квадрокоптеры, разнося горячие напитки из ближайших трактиров. Из картонных стаканов валил пар, и квадрокоптеры напоминали маленькие летающие самоварчики.

Малахитовая гостиная – любимая комната великой княжны в Зимнем дворце – окнами выходила не на Дворцовую площадь, а на Неву, но к полудню даже Стрелка Васильевского острова запестрела разноцветными шапками и зашипела бенгальскими огнями. На больших экранах для создания соответствующего настроения транслировались кадры недавних торжеств по случаю четырехсотлетия дома Романовых.

Пора было собираться.

Екатерина усилием воли заставила себя усесться на банкетку перед малахитовым туалетным столиком и взглянула в разумное зеркало, обрамленное роскошным деревянным кружевом и преподнесенное ей на шестнадцатилетие мастерами Волжского альтернативного затейливого завода, который специализировался на внедрении последних новинок в быт россиян. Шестнадцать великой княжне исполнилось уже давным-давно, девять лет назад,

и за это время ВАЗЗ успел выпустить еще не меньше десятка моделей прогрессивных зеркал, но Екатерина свое менять не хотела – уж очень привыкла к нему, как к домашнему питомцу.

Зеркало автоматически включилось, подсветив лицо принцессы, и издало приветственный писк. Сразу после этого зеленый огонек в правой верхней части зеркала тревожно замигал и заалел.

– Внимание! – приятным, хоть и немного механическим голосом сказало зеркало. Голос был мужским – на заводе выяснили, что советы по уходу за собой, исходящие от женщины, воспринимаются более негативно. Каждая фраза зеркала для наглядности сопровождалась красными светящимися строчками. – Идентифицировано пять проблемных зон…

– Ну еще бы, – пробормотала Екатерина.

– Глаза: отечность век, покраснение кожи, покраснение белков, – безжалостно анализировало зеркало.

– Плакать меньше надо, – сказала принцесса сама себе с назиданием.

– Нос: отечность, покраснение кожи. Щеки: отечность, бледность, – невозмутимо продолжало зеркало.

– Одним словом, лицо-подушка, – прокомментировала Екатерина, недовольно пощипывая себя за нос, который в обычном состоянии имел форму греческого, но сейчас больше напоминал картофелину сорта «сиреневый туман».

Высказавшись на тему искусанных губ и спутанных волос, которые ни один льстец в мире не назвал бы сегодня «антично-бронзовыми прядями» (любимое выражение одного телеведущего), зеркало перешло к хорошим новостям:

– Рекомендовано для глаз: тени дымчатые «Хозяйка Медной горы», тушь объемная «По небу полуночи ангел летел»…

На гладкой поверхности начали появляться картинки подходящих косметических средств – продукции известной российской фирмы «Наша Маша»,

которую предпочитала великая княжна. Среди прочего зеркало предлагало хозяйке воспользоваться перламутровой пудрой «Задремали звезды золотые», рассыпчатыми румянами «Умылася в снегу» и помадой «Я на свете всех милее».

Принцесса, нахмурив тонкие русые брови, изучала свое потрепанное отражение в кольце сияющих советов.

В серо-зеленых, царственно непроницаемых глазах, доставшихся Екатерине от прапрадедушки Николая Второго, сегодня плескались горечь и гнев.

Великая княжна невесело усмехнулась. Гнев – какое своевременное чувство. Джим прямо в точку попал, расставшись с ней 28 февраля. Ведь 29-го, раз в четыре года, вся страна празднует День Гнева.

Традицию ввел как раз-таки прапрадедушка Николай Второй – после страшной швейцарской революции 29 февраля 1904 года. Тогда закачались все европейские троны – от Адриатики до Ла-Манша. Монархи десятка стран с ужасом следили за тяжелым рождением коммунистического государства. Вековые устои процветающей страны ломались как спички под давлением обезумевшей «власти рабочих и фермеров». Точнее, работниц и фермерш.

Идейный вдохновитель восстания, невзрачный с виду, но обладающий дьявольским умом уроженец российского города Симбирска сумел сыграть на самом сложном инструменте – женском характере. В любой точке земного шара обязательно найдутся вечно недовольные всем вокруг женщины. Наверное, даже в раю изредка попадаются особо придирчивые души, капризно поджимающие накрашенные губы и цедящие что-то вроде: «Ах, так это и есть ваш хваленый рай? Вообще-то я думала, что в приличных местах амброзию водой не разбавляют».

Обнаружились таковые брюзжащие гражданки и в благополучной Швейцарии. Вроде и законы были здесь вполне справедливыми, и парламент регулярно переизбирался, и разделение на самостоятельные кантоны всех устраивало. Но упертый симбирец таки уколол швейцарцев прямо в ахиллесову пяту.

Напирая на то, что его мать имеет европейские корни, а значит, и сам он вполне может быть родственником любого гражданина Швейцарии, так что искренне желает им самого лучшего, симбирец – не без помощи супруги – начал вести

подрывную работу на воскресных рынках, где хозяйки закупали продукты, а также возле высших женских курсов, где девушки учились на воспитательниц и гувернанток. Симбирец задавал собеседницам простой вопрос: «Все ли вас устраивает в вашей жизни?» Ответом, разумеется, почти всегда было «нет»: и цены на молоко высоковаты, и хороший шелк винного цвета не найти, и портниха совсем обнаглела. Симбирец понятливо кивал и подсказывал: все проблемы – и плохая ткань, и обнаглевшее молоко – от неправильного руководства страной. Нужно всего лишь сменить государственный строй, чтобы они, женщины, могли сами выбирать своих руководителей и полноценно участвовать в жизни государства, и все сразу наладится.

Дальнейшее развитие событий в Швейцарии сильно напоминало классическую библейскую историю про дегустацию яблока. Некоторые современные Евы не растеряли умения убеждать своих мужей в том, что сумасшедшая идея только на первый взгляд кажется неудачной.

Одним словом, сначала сдались мужья, а потом действующее правительство Швейцарии. Коварный симбирец добился цели и возглавил процветающее государство. На этом райское житье-бытье в государстве закончилось.

Немецкий, французский, итальянский языки, на которых свободно говорили граждане до революции, отменились официальным постановлением. Вместо них ввелся один упрощенный, так называемый «швейцарский язык» – на основе латинского. Женщинам действительно дали избирательное право – забрав при этом молоко: все коровы стали государственными. Вместо шелка винного цвета им теперь предлагали исключительно грубый некрашеный хлопок, а портнихи и вовсе перестали шить, готовясь в депутаты. Да, женщины получили мужские права. Но и обязанностей по уходу за домом и детьми с них тоже никто не снял. Двойная нагрузка вместо облегчения! Евы опомнились, схватились за головы, но было уже поздно.

За головы хватались и соседи Швейцарии. Большинство стран в результате неожиданной революции потеряли свои золотовалютные запасы, хранившиеся в швейцарских банках. С европейских прилавков исчезли знаменитые швейцарские сыры, часы и карманные ножи. На веселой мозаичной карте Европы, в самом центре ее, образовалось черное пятно. Примыкающие к пятну страны – Германия, Италия, Франция, Австрия – срочно закрыли свои границы.

Император Всероссийский Николай Второй не спал две недели. Каждый час принимал все новые донесения о шокирующих событиях в Швейцарии. Просто невозможно было поверить, что весь этот хаос устроил его подданный, ссыльный симбирец, которого он по мягкости характера выпустил за границу. Тут уж не знаешь – то ли жалеть несчастную Швейцарию, то ли радоваться, что Россию миновала чаша сия.

«Хороший урок для всех нас», – промолвил в конце концов Николай Александрович и, может быть, прибавил еще «разрази меня гром», потому что он никогда не ругался матом. Сразу после этого государь подписал два высочайших указа: один об учреждении парламента, серьезно ограничивающего власть монарха; второй – о назначении 29 февраля, даты швейцарской революции, днем безнаказанного (это подчеркивалось особо) выражения любых накипевших чувств по отношению к российской власти в целом и императорской семье в частности. Злоба приветствовалась, раздражение поощрялось, недовольство вознаграждалось. Никаких гонений, никаких преследований, никаких негативных последствий. Полная неприкосновенность. Но только один раз в четыре года. В остальные тысяча четыреста шестьдесят дней принималась традиционная, скучная, обоснованная критика в установленном законом порядке. Все эмоции – в День Гнева.

Невероятно смелое и прогрессивное решение для тяжелой на подъем патриархальной Российской империи.

И оно привело к прекрасным результатам. Здоровая ирония со стороны императора по отношению к самому себе оказалась лучшим средством для погашения тлеющего народного возмущения. Котел с паром не взорвется и не убьет машиниста осколками, если оставить небольшое отверстие для выхода избыточного давления. Напротив, из смертельного оружия он превратится в двигательную силу целого поезда, стремящегося вперед.

Да и скучно обзывать кого-то дураком, если человек охотно соглашается и даже начинает с горячностью тебе же доказывать, что таких дураков, как он, свет не видывал.

Поглядывая на погрязшую в коммунизме Швейцарию, николаевскую традицию неукоснительно поддерживали и все последующие российские правители: Алексей Николаевич, Константин Алексеевич, а вот теперь и отец Екатерины, Николай Константинович.

Постепенно, далеко не сразу, митинги протеста как-то сами собой превратились в митинги поддержки императора. К началу двадцать первого века День Гнева больше напоминал День Восхищения монархом и его семьей. И Екатерина 29 февраля обычно выходила к народу с удовольствием.

Но только не сегодня.

Сегодня хотелось вернуться к мокрой подушке и проваляться весь день в постели, стирая фотографии Джима из перстня-разумника.

Зеркало тем временем вновь ожило:

– Внимание! Ваше отражение не меняется. Если у вас возникли трудности с нанесением макияжа, нажмите цифру один для вывода подробного руководства.

– Да, у меня возникли трудности, – мрачно отозвалась принцесса, вооружаясь расческой с ионизированной щетиной (результат научных изысканий тех же кудесников ВАЗЗа), – только не с нанесением макияжа. А с одним двадцатисемилетним американцем, обладателем квадратной челюсти и небольшого словарного запаса, который даже расстаться по-человечески не смог. Такое унижение! Ах, зеркало, если бы ты только знало!

Великая княжна со злостью рванула свои всклокоченные кудри. Зеркало тут же отозвалось на резкое движение хозяйки и рассыпало по поверхности светящиеся стрелочки, указывающие правильную траекторию причесывания. Екатерина, раздраженная услужливыми подсказками, выдернула провод от гаджета из розетки и далее продолжила причесываться и краситься так резко, как только ей заблагорассудится.

Спустя полчаса наследная принцесса Российской империи была готова выйти к возбужденной толпе.

Глава 2. Император не в своей тарелке

Николай Константинович в нарядном, но неудобном парадном мундире и тесных лаковых сапогах с золотыми бляхами, которые он мечтал поскорее снять, терпеливо ждал дочь в Зале военных картин. Странно, Кати? всегда очень пунктуальна, а сегодня почему-то задерживается – полдень наступил несколько минут назад. Толстенький церемониймейстер в блестящей одежке, похожий на прыгучую конфету, давно уже взялся за пластиковые ручки стеклянных дверей, ведущих на центральный балкон, и теперь нервно поглядывал то на часы, то на гудящую снаружи толпу.

Наконец из западной анфилады послышался еле уловимый шелест. Екатерина в развевающемся платье влетела в зал. Влетела в буквальном смысле – по громадному дворцу легче было передвигаться на гироскутерах. Шутка ли – по несколько километров в день наматывать!

Заказом самоходных досок на колесах для Зимнего занимался лично Николай Константинович. Сам ездил на Русско-Балтийский завод на Черной речке. Сам чертил макет будущего гаджета – получилось что-то вроде узкого ковра-самолета с узбекским колоритом и желтой неоновой подсветкой днища. Ограниченную серию «высочайшего дизайна» даже не успели выпустить на рынок – все экземпляры расхватали еще на стадии предзаказа.

С рейсфедером император обращался едва ли не ловчее, чем со скипетром и державой: до коронации Николай Константинович трудился рядовым инженером на том самом Русско-Балтийском заводе. Разрабатывал пневмоподвески для отечественных автомобилей знаменитой марки «русско-балт», славящейся своей надежностью, элегантностью и прогрессивными технологиями. Голубая кровь отлично сочеталась с белым воротничком: Романов оказался талантливым конструктором. Да, с середины двадцатого века всем членам царской семьи, кроме правящего монарха, приходилось самим зарабатывать себе на жизнь: госбюджет не предусматривал содержания великовозрастных бездельников.

Светящийся гироскутер почти полностью скрывался пышным подолом роскошного зеленого платья принцессы. На мгновение Николаю Константиновичу померещилось, будто к нему прислали ангела на золотом облаке. Екатерина была божественно красива: огромные глаза, нежная белая кожа, легкий румянец. Прическу венчала тиара с крупными, с хороший миндаль, жемчужинами и мириадами бриллиантов – наследство прапрапрабабушки Марии Федоровны. Плечи прикрывала теплая белая накидка из искусственного меха.

У Николая Константиновича кольнуло в сердце. Просто копия матери. Помнится, у Василисы было похожее платье в аристократическом остросюжетном детективе «Роковое письмо». Тот фильм и впрямь стал роковым для кинозвезды, жившей раньше словно в сказке: муж – цесаревич величайшего государства мира, дочь – здоровый рассудительный ребенок, плюс всенародная любовь, слава и удачливость в профессии.

К несчастью, к концу съемок Василиса подхватила вирус. Нет, не из медицинского справочника. Российские врачи уже тогда могли справиться почти с любой болезнью; но в данном случае они оказались бессильны. Василиса полностью отдалась любовной лихорадке. Неожиданно для своей семьи (и вполне ожидаемо для журналистов) актриса закрутила сумасшедший роман с партнером по фильму. И сразу после премьеры, собрав с публики положенные восторги, парочка сбежала на другой континент – «поднимать африканское кино». Следы их затерялись где-то в саванне.

А Николай Константинович остался один – с ребенком, непогашенным свидетельством о браке и необъятным позором – в возрасте двадцати пяти лет, еще до вступления на трон. Какая ирония – Василиса Прекрасная, получившая известность именно благодаря блистательно сыгранным ролям принцесс и королев, так и не захотела стать настоящей императрицей.

Николай Константинович поклялся никогда больше не связываться с женщинами. Самым пронырливым папарацци за два десятка лет ни разу не удалось сделать хоть один компрометирующий снимок, проливающий свет на личную жизнь монарха. Ее, личной жизни, просто не было.

Всю свою любовь отец отдал великой княжне. И сейчас сразу заметил, что что-то не так.

– Кати?? Ты плакала?

Великая княжна покосилась на толстенького церемониймейстера, который от нетерпения начал уже пританцовывать на месте, и, сойдя с гироскутера, направилась к балкону.

– Потом, папенька, потом.

Церемониймейстер шумно вздохнул и одним широким движением распахнул энергосберегающие стеклянные двери, заполненные изнутри аргоном для сохранения тепла.

На императорскую семью обрушился водопад голосов.

Нужно было нырять в морозный воздух, переполненный приветственными криками.

Николай Константинович сделал первый шаг навстречу обращенным к нему лицам. Толпа восторженно взорвалась.

Император, человек по натуре скромный и стеснительный, старался не смотреть вниз. Идти было тяжело, словно он продирался сквозь вату. Публичные мероприятия всегда давались ему с трудом.

Николай Константинович сконцентрировал взгляд на величественной Александровской колонне – слегка видоизмененной копии колонны Траяна в Риме. «Да, каких-то полтора века назад мы еще жадно хватались за иностранные идеи, – подумал государь, – вот даже и главный символ столицы, Александрийский столп, не более чем подражание итальянцам. Зато за последние сто лет ситуация изменилась с точностью до наоборот. Россия теперь – пример для остальных. Всего две буквы «RE» – «Russian Empire» – на любом товаре считаются во всем мире знаком качества».

Эта мысль придала ему сил, и он каким-то чудом преодолел три бесконечных метра до балконной решетки.

Левому плечу стало тепло: к Николаю Константиновичу присоединилась дочь. С правой стороны, где должна была бы стоять супруга, ощущалась пустота.

Государь поднял руку. Толпа затихла, словно повернули выключатель. Чайные квадрокоптеры зависли в воздухе, развернув камеры на императора – изображение в режиме реального времени передавалось в трактиры, где вокруг больших телевизоров тоже собрались верноподданные. От старинных стен Главного штаба и Зимнего дворца отражалось жужжание пропеллеров.

– Сограждане!

Мягкий баритон Николая Константиновича, многократно усиленный динамиками, окутал весь центр Санкт-Петербурга. Прямая трансляция выступления императора шла в эфире телеканала «Всемогущий». Если учесть, что канал был исключительно коммерческим, от воли властей никак не зависел и пятисекундная реклама на нем стоила как пятидесятиметровая квартира в спальном районе столицы, то становилось ясно: День Гнева – поистине любимый народный праздник. Ради него даже отменили один выпуск суперпопулярного ток-шоу Ангела Головастикова.

Нелегко говорить, если тебя слушают сотни миллионов. Николай Константинович, подспудно жалея, что он не обладает развязностью кривляки Головастикова, порхающего по огромной студии наподобие усыпанной стразами бабочке, отрывисто произнес знакомые каждому россиянину слова, впервые прозвучавшие сто двенадцать лет назад из уст его прадеда и тезки Николая Второго:

– Сограждане! Я здесь, чтобы напомнить вам: любовь к своей стране не означает безусловного одобрения всех действий властей. Я здесь, чтобы напомнить вам слова Карамзина: «Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть». Я прошу вас: обратитесь к своему рассудку! И со всей страстью скажите, что вас беспокоит. Скажите, что мы делаем неправильно? Скажите, в чем мы ошибаемся?

Боковым зрением Николай Константинович заметил, как из серо-зеленых глаз его дочери, стоящей совсем близко, вдруг выступили слезинки и скатились по гладкой коже, задрожали на точеном подбородке, поблескивая в лучах тусклого зимнего солнца. Лицо великой княжны было невозмутимым. Она с достоинством улыбалась своим подданным, размахивающим рукописными плакатами «Мы любим вас!», «Ее Императорское Высочество Екатерина – лучшая!» – и поразительным: «Скинемся по 3 рубля на подарок величайшему монарху всех времен!».

Император на секунду прикрыл веки, перезагружая мозг, и продолжил:

– Я здесь, чтобы поблагодарить вас. Поблагодарить за вашу честность. За вашу открытость. За ваш патриотизм. Сегодня вы можете изменить свою страну. Вы

можете изменить нашу жизнь. Говорите, сограждане! Говорите! Говорите!

И государь взмахнул правой рукой:

– Да начнется День Гнева!

Страна зааплодировала, заорала, заулюлюкала, засвистела.

Зазвенели пивные кружки в трактирах.

Дворцовая площадь пришла в движение. Взмыли вверх огненные свечи, одобренные дворцовым комендантом. Квадрокоптеры, ловко обходя пышущие искрами столбы, метнулись за новыми порциями кофе, чая, морса и сбитня. Из-под арки Главного штаба, неторопливо раздвигая толпу, со страшным скрипом выплыла старинная угольно-черная почтовая карета, украшенная фамильным гербом рода Романовых: на серебряном фоне ярко-красный грозный полуястреб-полулев с золотым мечом. Наверху кареты красовалась белая надпись: «Для жалобъ на Государя Императора Всероссійскаго».

Дилижанс был тоже частью традиции. И надпись на нем сделали еще до грамматической реформы тысяча девятьсот сорок девятого года, когда государь Алексей Николаевич взял и выкинул из русского языка несколько лишних букв, чтобы сделать его более доступным для иностранцев. Алексей Николаевич всегда стремился подружиться с целым миром.

Люди наперебой кинулись бросать в карету заранее заготовленные записочки и подарочки для монаршей семьи. Разумеется, девяносто девять процентов жалоб принималось сегодня в электронном виде, но наследие есть наследие, и отправить древний дилижанс на свалку, где ему было самое место, государь не мог – при всей своей императорской власти и при всей своей любви к техническому прогрессу. Автору знаменитой пневморессоры в виде подвижного рукава, позволившего радикально увеличить дорожный просвет машины и ставшего новой вехой в истории мирового автомобилестроения, было больно смотреть на страдающего от дряхлости почтового динозавра.

Но сейчас Николай Константинович думал не о промышленной эволюции. Его беспокоила страдающая непонятно от чего двадцатипятилетняя дочь.

– Кати, и все же что случилось? – тихо спросил он, незаметно отступив от микрофонов и помахивая ревущей толпе рукой.

Екатерина, сохраняя на лице царственную улыбку и благожелательно кивая россиянам, так же тихо ответила, не поворачивая головы:

– Случилось, папенька, то, что все мужчины – первостатейные подлецы.

– Значит, дело в Джиме, – с утвердительной интонацией уточнил Николай Константинович.

– Дело в его сообщении.

– Каком сообщении?

Серо-зеленые глаза потемнели и сузились.

– Мистер Джеймс Смит был столь любезен, что вчера, прямо во время работы, прислал мне на компьютер сообщение, в переводе на русский примерно такое: «Привет, детка, думаю, нам нужно расстаться, я встретил свою судьбу в столовой, она веселая, классная и всегда дает мне бесплатный пирожок». Знаю я эту так называемую судьбу! Буфетчица Марфуша ее зовут! – Навряд ли дворцовый комендант одобрил бы молнии, которые исходили сейчас из глаз великой княжны. – Марфушенька-душенька, ух! Она и двух английских слов не свяжет. Ах, папенька, не знаю, есть ли еще на свете девушки, которых бросали по внутренней корпоративной сети, на радость системному администратору. Это такое унижение! Такое унижение! Я едва сумела закончить разговор с клиентом.

– Надеюсь, клиент ничего не заметил? – с тревогой поинтересовался отец.

Великая княжна работала в колл-центре Русско-Балтийского завода – превосходное знание пяти языков позволяло ей принимать звонки от иностранных владельцев русских автомобилей – и, по характеристике ее непосредственного начальника, «никогда не теряла выдержки, хотя иногда вела себя с клиентами холодновато».

– Папенька! – шепотом воскликнула Екатерина. – Ну почему ты всегда думаешь только о работе?

– Прости, Кати, прости. Но знаешь, я всегда был уверен, что Джим тебя не достоин.

– Из-за разницы в происхождении? Из-за того, что он сын американского фермера, а я – дочь российского императора? Не ожидала от тебя, папенька, не ожидала такой мелочности, такого снобизма!

– Нет, клянусь шестеренкой, какой еще снобизм! Просто он такой… такой… – Император хотел было сказать «тупой», но государю не к лицу просторечные обороты, и пришлось подбирать созвучное слово: – …такой пустой!

Полный записочек и плюшевых игрушек дилижанс издал адский треск и направился в сторону громадных кованых ворот Зимнего дворца, расположенных под балконом, на котором мерзли Николай Константинович с дочерью. Народ радостно завизжал. Император поморщился.

– Ах, папенька, теперь я вообще думаю, что Джим никогда меня не любил, – тоскливо протянула великая княжна, отпуская туда и сюда изящные воздушные поцелуйчики. – Теперь мне вообще кажется, что он был шпионом, который пытался выведать у меня государственные секреты. Что это вообще за фамилия – Смит? Подозрительно невыразительная.

– Кати, неужели ты думаешь, что агенты Третьего отделения моей канцелярии не проверили его от корки до корки сразу после того, как он только взглянул в твою сторону? – усмехнулся краешком рта император. – Никакой он не шпион, обычный паренек с кукурузной фермы, случайно попавший в Россию по контракту с модельным агентством. Признайся, ты ведь влюбилась в блестящую обертку.

Великая княжна покраснела – то ли от мороза, то ли от неловкости.

– Как же тут не влюбиться, если он был на всех наших рекламных плакатах? Смотрел на меня отовсюду, с каждой стены, с каждой экранной заставки. Да нам на Новый год подарили корпоративные чашки, где он за рулем нового «русско-балта»! Папенька, мне же все девочки завидовали, когда мы с Джимом начали

встречаться – помнишь, папарацци нас с ним поймали у решетки Александровской колонны?..

Внезапно великая княжна замолчала. Лицо ее за одно мгновение оледенело.

– Кати… – император проследил за застывшим взглядом дочери.

На решетке Александровской колонны в мягкой ковбойской шляпе и синей летной куртке сидел его несостоявшийся американский зять, с любопытством глазея вокруг и приобнимая правой рукой миловидную простушку – типичную Марфушеньку-душеньку.

Глава 3. В меню – горячие блины и холодная месть

– Каков наглец! Не постыдился явиться на императорский праздник со своей кикиморой! Нет, ваше высочество Катарина, это никуда не годится! Может, вышлем его из страны? А что? Хороший пинок этому напыщенному Кену не помешает! Я лично выступлю на телевидении и опозорю его на весь мир. Давайте, Катарина, расскажите мне все его грязные тайны, попадем в прайм-тайм на «Всемогущем»!

Премьер-министр Мелисса Майер рвалась в бой, словно голодная немецкая овчарка. В отличие от государя-императора, не выносящего многолюдные мероприятия и общение с прессой, энергичная Мелисса обожала публику. Публика отвечала ей полной взаимностью. Маленькая, хрупкая, но невероятно деятельная и острая на язык глава правительства стала не только первой женщиной на этом посту, но и самым открытым государственным деятелем за всю историю Российской империи. Телезрители знали о двух разводах Мелиссы едва ли не больше, чем ее бывшие мужья.

Бешеная популярность помогла ей совершить головокружительную карьеру: из маленького провинциального депутатишки – в лидеры либеральной партии «Вольнодумцы», а затем, после победы на прошлогодних выборах, аж в премьер-министры. Соперник Мелиссы, немолодой и солидный председатель консервативной партии «За Веру, Царя и Отечество», только лысину чесал в

ответ на ее колкие нападки во время теледебатов.

В последнее время Мелисса немного заскучала. Работа премьер-министром оказалась не такой зажигательной, как ей представлялось до выборов. С утра до ночи она барахталась в океане скучных бумаг. Времени на салонные процедуры, кои она так любила, совсем не оставалось. Порой ей казалось, что всего за один год она состарилась на сорок лет.

Да и государь-император обращался с ней настолько церемонно, так подчеркнуто вежливо, словно Мелиссе и вправду было не тридцать семь, а семьдесят семь. Пожалуй, даже этот глупый обеденный стол вызывал у него больше эмоций, чем она, очаровательная – а Мелисса прекрасно знала, что она очаровательна, – кареглазая брюнетка в темно-синем брючном костюме от знаменитого Лидваля. А ведь именно ради Николаса она стремилась попасть сюда, в Зимний: перевернула мир с ног на голову, принесла в жертву оба своих брака. Но максимум, чего удалось добиться премьер-министру от императора, – получить два пустующих этажа дворца под нужды правительства. Теперь на первом собирались еженедельные заседания Совета министров, а на третьем располагалась резиденция его руководителя.

Мелисса заправила волосы за уши – короткое каре с французским оттенком подчеркивало модельные скулы – и положила себе на тарелку еще один ажурный блин, щедро полив его малиновым вареньем. Метаболизм Мелиссы был таким же неутомимым и активным, как и она сама.

– Ну же, ваше величество, поддержите меня!

Государь вежливо кашлянул и отложил старинную серебряную вилку в сторону:

– Госпожа Майер…

– Ну что вы, ваше величество, я для вас просто Мелисса!

– Э-э, госпожа Мелисса Карловна, я прошу вас не принимать так близко к сердцу наши семейные трудности. Уверяю вас, они не стоят вашего внимания. Мы с Кати рассказали вам об этой неприятной ситуации только для того, чтобы вы были в курсе и журналисты не поставили вас в тупик, когда об этом станет известно общественности.

– А общественность наверняка узнает об этом уже сегодня, – со вздохом вставила Екатерина, отодвигая тарелку с нетронутым блином в сторону. – Видели, сколько фотографов было утром на площади? Вспышки так и мелькали. А Джим – он как собака Павлова: при виде камеры тут же поворачивается в три четверти, наклоняет голову немного набок и задумчиво смотрит вдаль. В общем, принимает эффектную позу. Прятаться от папарацци он не станет.

– Катарина, но неужели вы не хотите отомстить предателю? – Мелисса со стуком поставила на стол розовый бокал с малиновым морсом. – Неужели вам не хочется его крови? А я помогу. Знаю, что вы не любите телевидения. Выступлю сама в любых программах.

У Мелиссы даже задрожали руки от нетерпения, когда она представила, как сидит в студии Ангела Головастикова, вся в ярком свете софитов, и в таких же ярких красках расписывает негодяйский поступок дурачка Джима. И вся студия в один голос ахает. И на большом экране позади Мелиссы – огромное расколотое сердце с фотографией великой княжны и ее экс-бойфренда.

Екатерина нахмурила брови, взгляд ее потяжелел, и Мелиссе почему-то сразу вспомнилось, что перед ней сидит праправнучка императора Николая Второго, сумевшего за считаные месяцы расправиться с непобедимыми фашистами и на самом старте остановить Вторую мировую войну.

– Мелисса Карловна, – отчеканила Екатерина. – Да, я хотела бы отомстить Джиму. Я хотела бы отомстить ему больше всего на свете. Я хотела бы расстрелять его в упор из личного охотничьего ружья моего прапрапрадедушки Александра Александровича. – Великая княжна махнула рукой в сторону коллекции старинного оружия, украшавшей стену Арапской столовой, где проходил высочайший обед. – Но я не стану опускаться до его уровня. И тем более не позволю трясти своим нижним бельем перед телекамерами.

Все-таки голубая кровь четырехсотлетней выдержки – сильная вещь. Великую княжну Мелисса не то что побаивалась – нет, человек, забравшийся на верхушку российского Олимпа, никого уже не боится, – скорее просто не понимала. Екатерина был слишком надменной, слишком холодной, слишком самоуверенной. Снежная королева. Достойная самой снежной страны мира.

Мелисса обратилась к своему доброжелательному соседу, который никогда не изменял своей врожденной деликатности.

– Ваше величество, а ведь мы упускаем замечательный шанс опозорить Соединенные Штаты! Покажем, каких кукурузников они там воспитывают в своих деревенских школах. Убожество, а не бойфренд! Женщины всего мира будут нам рукоплескать.

А дружочек Головастиков будет так рад заполучить премьер-министра на свое ток-шоу.

Бонусом станет унижение нынешней президентши США, которую Мелисса, если честно, терпеть не могла. Блондинка, да еще и высокая… Невозможно было пережить, что на мировой политической арене появилась еще одна женщина. Их недавняя дежурная встреча на конференции в Нью-Йорке была полна неискренних добрых слов и искренних ревностных взглядов.

Император нажал кнопку автоматического заваривания чая на бронзовом самоваре «Электро-Пых-пых 2014». Модель морально устарела – ее изготовили на ВАЗЗе пару лет назад, и с тех пор появились варианты с дистанционным управлением, – но работала исправно. Электро-Пых-пых издал булькающий звук, в нижней части устройства открылась потайная бронзовая дверца, откуда на особой подставке-непроливайке выехала наполненная горячим напитком чашка, сделанная мастерами Императорского фарфорового завода лет двести тому назад.

– Вы знаете, госпожа Майер, Российской империи не нужно опускать другие страны, чтобы подняться, опираясь на их поверженные плечи. Нам не нужен черный фон, чтобы сиять белизной. Наша страна и так во многом превосходит Соединенные Штаты: и в плане технического прогресса, и в плане личного комфорта граждан, да мало ли чего еще. Не стоит прибегать к помощи низкопробных телевизионных шоу, выкладываться на потеху толпе…

Прочувствованную речь государя прервали неожиданно распахнувшиеся двойные двери. В столовую из темной анфилады – Романовы заботились об экологии и сохранении природных ресурсов, а потому экономили электричество – ворвался Семен Столыпин на черном гироскутере с красной подсветкой.

– Вашвеличество! Первые результаты Дня Гнева!

Обер-камергер Столыпин был юн – чуть моложе великой княжны, хорошо образован и полон энтузиазма. Бараньи кудряшки вечно топорщились от переизбытка идей, голубенькие глазки горели воодушевлением, на шее беспокойно болтался магнитный пропуск, запутываясь в веселом галстуке с желтыми утятами. Из нагрудного кармана пиджака торчал старинный символ обер-камергерской власти: золотой ключ, украшенный бриллиантами и государственным гербом.

Все двери в Зимнем давно уже были оборудованы автоматической охранной системой, но бесполезный ключ положено было повсюду таскать с собой. У государя никак не доходили руки отменить неактуальное правило. После масштабного сокращения числа постоянных придворных – с четырехсот пятидесяти до четырнадцати – и полной модернизации дворца оставались еще некоторые бюрократические неувязки.

Так, например, подчиненные обер-камергера ежедневно обязаны были проверять температуру в опочивальне императора. Но теперь толпу слуг заменили цифровые градусники, отправляющие свои данные в режиме реального времени лично императору, на его перстень-разумник. Если Николаю Константиновичу хотелось прохлады, он мог приказать приложению «Домовой», ответственному за комфорт во дворце, проветрить комнату. Перстень-разумник передавал сигнал на оконные защелки, которые раскрывали рамы на автоматически рассчитанную ширину.

Да и само название чина «обер-камергер» – проще говоря, постельничий – уже не соответствовало его назначению. Из простого обслуживающего персонала обер-камергер превратился в доверенное лицо императора, стал его советником и помощником. В Букингемском дворце человек с обязанностями Столыпина назывался бы личным секретарем монарха.

Мелисса не слишком любила Семена. Этот неуемный живчик часто сбивал императора с толку и непредсказуемо менял курс, намеченный премьер-министром.

– Сеня, мы обедаем, не мешай! – недовольно поджала губы Мелисса.

– Мелисса Карловна, да я быстро! Вашвеличество, вы захотите это услышать!

Государь благосклонно кивнул, разрешая приступать к докладу:

– Блинчик хочешь, Семен? – После сокращения штатов император обслуживал себя и своих гостей сам, за исключением особо торжественных обедов.

– Благодарю, вашвеличество, мне не до блинчиков. – Столыпин спрыгнул с гироскутера и потряс в воздухе распечаткой. – Вот, вот что нужно сунуть в печку вместо блинчиков!

– Блинчики не в печке готовятся, а на сковороде, – не упустила случая поправить обер-камергера Мелисса, гордившаяся своим участием в нескольких кулинарных программах. – Ничего-то ты, Сеня, не знаешь.

– Вашвеличество, это только что прислали ребята из Аналитического центра. – Столыпин не обратил внимания на колкости премьер-министра. – Они обработали уже несколько тысяч онлайн-обращений и все рукописные жалобы из почтовой кареты. И боюсь, у меня плохие новости.

Государь воздел прямые русые брови и сделался похож на свой парадный портрет из Портретной галереи Дома Романовых.

– Нам есть о чем беспокоиться? Нас не любят?

Столыпин поправил магнитный пропуск, освободив его из плена желтых утяток.

– Скорее, любят слишком сильно. Народ недоволен вашей закрытостью. Люди хотят знать все о личной жизни императорской семьи.

Мелисса непроизвольно ахнула.

– Майн готт! А я ведь вам говорила!

Екатерина молча взяла у Столыпина распечатку. Николай Константинович насупился.

– Ну а мы с Кати не желаем им ничего рассказывать.

Столыпин немного нервно пригладил бараньи кудряшки.

– Вашвеличество, вы еще не слышали моего плана.

– Что ж, попробуй доказать государю-императору всероссийскому свою правоту, – усмехнулся Николай Константинович. – Дерзай, Семен.

И Семен дерзнул.

– Ни для кого уже не секрет, что великая княжна рассталась со своим бойфрендом – простите, вашвысочество… – обернулся он к Екатерине.

– Неужели уже все в курсе? – обреченно переспросила она.

– Да, к сожалению, Интерсеть не дремлет. И в связи с этим у меня родилась идея на миллион долларов, как говорят в Америке – ой, еще раз простите, вашвысочество, что напомнил…

– Семен, ближе к делу! – нахмурилась великая княжна.

– Да-да-да, приближаюсь. Считаю, что нельзя игнорировать глас народа, и во избежание негативных последствий следует исполнить безобидное желание ваших подданных. Не хотелось бы напоминать вам про несчастную Швейцарию…

– Вот и не напоминай, – настолько грозно, насколько позволял его учтивый характер, сказал император. – Печальная история, да. Очень печальная.

– Прежде всего хочу сказать, что со «Всемогущим» я уже предварительно договорился, – затараторил Столыпин. – Их креативный директор в восторге, в натуральном восторге. Он готов выделить лучшие вечерние часы по воскресеньям…

– Да подо что выделить-то, Сеня? – не выдержала Мелисса. Она чувствовала, что наклевывается что-то интересное.

– Под новую программу под названием «Великая княжна точка лайв»! – торжествующе объявил Столыпин. – Что в переводе с телевизионного сленга означает «Великая княжна в прямом эфире». Это будет шикарное, беспрецедентное, захватывающее реалити-шоу, в котором ее высочество Екатерина выберет себе жениха из толпы претендентов!

Семен раскланялся, явно рассчитывая на бурные аплодисменты.

Однако его зрители пребывали в недоумении.

Мелисса, до начала его речи уверенная, что сейчас все дружно станут уговаривать ее на интервью с Ангелом Головастиковым, сидела открыв рот.

Император скрестил руки на груди и вновь воздел брови.

Екатерина не шевелилась и не моргала, глядя сквозь распечатку.

– Вашвеличество? – несмело подал голос Столыпин.

Николай Константинович после короткого молчания вымолвил:

– Ты удивишься, Семен… Но я не против.

– Правда? Правда, вашвеличество?

– Правда, правда. Мне нравится мысль, что за руку и сердце моей дочери будут соревноваться лучшие из лучших. Может, найдется кто-то достойный хотя бы ее мизинчика. – Император с любовью взглянул на дочь. – Это отвлечет ее от грустных мыслей.

– Вашвысочество?

Екатерина подняла на обер-камергера глаза цвета Бермудского треугольника.

– Да?

– Э-э, вашвысочество, что мне передать креативному директору «Всемогущего»? Он ждет звонка.

Екатерина поднялась с орехового полукресла с изогнутой спинкой и подплыла к Столыпину. Тот в явно читаемом смущении вновь мучил галстук, на сей раз пытаясь ослабить его желто-утячий узел. Великая княжна изобразила самую холодную свою улыбку, от которой у Мелиссы мурашки пошли по коже.

– Передай, пусть готовит софиты. Я согласна.

Глава 4. Почтовый сервер Зимнего не выдерживает нагрузки

Лучшие из лучших. Легко сказать! А как их выбрать-то, этих лучших, из великого множества претендентов?

Кастинг для будущих участников реалити-шоу «Великая княжна. Live» объявили 8 марта, когда Швейцария показательно отмечала пропитанный лицемерием Международный женский день. Коммуняки придумали праздник для того, чтобы хотя бы на несколько часов отвлечь внимание швейцарских товарищей женского пола от их беспросветной жизни: тяжелый мужской труд с восьми до шести, а с шести до восьми – беготня по пустым магазинам в поисках дефицитной еды и каторжная домашняя работа. Восьмого марта женщинам дарили полузавядшие букетики желтых цветов, и наивные женщины начинали гордиться, что они родились в такой внимательной, чуткой стране.

Однако в этом году швейцарские средства массовой информации уделили совсем немного внимания Международному женскому дню. Выпуски новостей почти целиком были посвящены «унизительному сватовству российской принцессы, которую выставили на аукцион, словно ярмарочную корову». Но старания дикторов-коммунистов, поливающих грязью Екатерину, привели к обратному эффекту: молодые швейцарцы массово пытались бежать за границу, чтобы поучаствовать в небывалом конкурсе, сулящем сказочные перспективы.

Впрочем, если горячих швейцарских парней перехватывала пограничная служба, то всех остальных желающих останавливать было некому. Под грузом

видеоанкет почтовый сервер Зимнего дворца рухнул на следующее же утро, 9 марта. Электронные заявки присылали со всей России, из всех стран мира.

Столыпину пришлось в экстренном порядке нанять несколько сотен программистов-фрилансеров для налаживания технической стороны кастинга. После того как сервер объединенными силами атлантов-сисадминов подняли, выявилась новая проблема: по какому принципу отсеивать неподходящих кандидатов?

Решено было созвать творческую группу из двух сотен психологов.

Собрание отсеивателей устроили в Фельдмаршальском зале Зимнего через неделю после объявления конкурса. За бескрайним дубовым столом в форме буквы «П» председательствовал взмыленный Столыпин, со своими бараньими кудряшками и галстуком, украшенным пухленькими купидончиками, смотревшийся как-то несуразно на фоне батального полотна «Взятие русскими войсками предместья Варшавы».

Рядом с обер-камергером, произносящим приветственное слово, скучала великая княжна, лениво перебирая игры в перстне-разумнике. Екатерина нарочно не стала активировать тактильную голограмму из перстня, чтобы окружающие не разглядели, чем она там занимается, и возилась с крошечным вспомогательным экранчиком, похожим на драгоценный камень.

Поскольку встреча была неформальной, то и одежда Екатерины ничем не напоминала наряд принцессы: обычные джинсы, полуспортивные синие кеды с белыми шнурками, простая белая футболка. Совсем немного макияжа, гладкий хвостик. На голове вместо тиары – кепка с гербом Российской империи. Такие продавались в сувенирных киосках близ Дворцовой площади. В углу Фельдмаршальского зала на стуле валялась голубая дутая куртка. Был выходной день, и после собрания великая княжна собиралась съездить в Царское Село – навестить своего гнедого Кирина.

Сидеть верхом Екатерина научилась раньше, чем читать и писать. На содержание коня уходила почти вся зарплата оператора колл-центра, но без Кирина принцесса не представляла своей жизни.

Да, по дороге нужно было заскочить на работу и отпроситься на время проведения конкурса. Будет непросто взять полугодовой отпуск, пусть даже и за свой счет. Суровый начальник колл-центра может просто-напросто отказаться принять Екатерину обратно. Скажет что-нибудь вроде «нам такие работницы не нужны», и привет. И папа не поможет.

Выражение лица великой княжны можно было бы назвать кислым, будь подобные слова допустимы в отношении наследников императорского трона. Ей почти сразу разонравилась дурацкая столыпинская идея с реалити-шоу. И она бы охотно от нее отказалась, если бы не два обстоятельства: Джиму все-таки нужно было отомстить, доказав подлецу, что все мужчины мира умрут за нее; и потом, папа всегда учил, что слово Романовых прочнее карбона, из которого делают гоночные модели «русско-балтов».

– …И я надеюсь, что ваш опыт и ваши профессиональные навыки помогут вам в этом почетном задании, – распинался перед психологами Столыпин. – Также обращаю ваше внимание, что человек, которого вы выберете, после восшествия ее императорского высочества Екатерины Николаевны на престол будет принимать непосредственное участие в управлении вашей же родной страной, поэтому давайте обойдемся без клинических идиотов и подающих надежды наполеонов. – Обер-камергер высвободил магнитный пропуск из цепких лап галстучных купидончиков и перевел дух. – А сейчас переходим к главной теме нашего собрания. Итак, какие же парни привлекают ее императорское высочество? Какими качествами должен обладать избранник нашей будущей императрицы? Вашвысочество, каков он, ваш идеал мужчины?

Екатерина оторвалась от увлекательного перстня-разумника и обвела взглядом своих вассалов, вооруженных лэптопами с эмблемой в виде золотой рыбки в короне. Продукция отечественной марки «Владычица морская» была невероятно популярна в Российской империи, несмотря на высокие цены и никак не связанное с информационными технологиями название. Компания работала под девизом: «Больше, чем три. Намного больше». И внизу мелким шрифтом: «Наши компьютеры исполнят неограниченное количество ваших желаний». И еще ниже, совсем крохотульными буковками: «Желаний, совместимых с возможностями компьютера».

Сейчас Екатерина желала, чтобы владельцы этих компьютеров исчезли с ее глаз, словно по мановению волшебной палочки. Но, к большому сожалению, компания «Владычица морская» анонсировала выпуск палочки-выручалочки

лишь к середине следующего года, а потому великой княжне пришлось отвечать на интимные вопросы. Проклятье, а ведь это только начало.

– Мой избранник должен обладать качествами, необходимыми для хорошего мужа, хорошего отца и хорошего монарха, – с достоинством сказала Екатерина, почти физически ощущая, как ее анализируют две сотни пар внимательных глаз. Но нет, она не позволит им влезть к себе в душу. Отделается общими словами. – Мой избранник – это верный, добрый, трудолюбивый человек. Умный, конечно. Пожалуй, не более чем на пять лет старше меня. То есть ему должно быть до тридцати.

Столыпин взъерошил свои светлые кудряшки:

– А что насчет внешности, вашвысочество?

– Ах, внешность совершенно не важна, – махнула рукой с перстнем-разумником великая княжна. Не дождетесь, ха!

– Неужели цвет волос, глаз или, скажем, рост не имеют никакого значения? – принялся допытываться сидящий поблизости бородатый психолог в вязаной жилетке.

– Абсолютно, – пожала плечами Екатерина. И решила на этом свое участие в собрании считать законченным. – Я, пожалуй, пойду. Благодарю вас. – Она поднялась со стула и направилась к выходу, прихватив по дороге куртку.

Психологи дружно встали – этикет никто не отменял.

В дверях Екатерина обернулась:

– Хотя знаете, господа, есть у меня одно требование к будущему избраннику.

Психологи все одновременно насторожились, как охотничьи собаки, почуявшие запах аппетитного зайчика.

– Он ни в коем случае – слышите, ни в коем случае! – не должен быть похож на модель. Мне нужен человек, которого никогда – слышите, никогда! – не выбрали

бы для съемок в рекламе. Особенно – автомобильной.

Уже выйдя из зала, Екатерина услышала отчаянный возглас бородатого:

– Хотите поговорить об этом?

Глава 5. Котел Ершова

Пока дочь общалась со специалистами, изучающими душу, отец был занят с теми, кто посвятил свою жизнь врачеванию тела.

Пятнадцатое марта было днем ежегодного медицинского осмотра императора. Николай Константинович ждал процедуру с нетерпением.

С утра в Зимний доставили внушительных размеров стеклянную капсулу с надписью «Котел Ершова», сделанной в славянском стиле. Капсулу несколько лет назад изобрели молодые российские ученые. В интервью ребята признавались, что название для своей технологии придумали после пары кружек пива, вспомнив эффективную систему оздоровления, описанную в «Коньке-Горбунке».

Котел Ершова подключили к розетке в императорской опочивальне, настроили и пригласили государя, караулившего за дверью.

Николай Константинович, радуясь как мальчишка, разделся догола, снял с третьего пальца левой руки свой перстень-разумник, чтобы не фонил, и забрался внутрь капсулы. Руки – на матовые круги, ноги – на ширину плеч. Сейчас повелитель самой большой и процветающей страны мира больше напоминал беззащитную бледную морскую звезду.

Раз в год каждый житель империи обязан был проходить подобный осмотр: котел Ершова здорово сократил расходы государства на медицину.

Дворцовый врач, присутствовавший на процедуре лишь на случай форс-мажорной ситуации, нажал большую красную кнопку на стеклянном боку

капсулы. Программа полной проверки высочайшего пациента запустилась.

Внутри «котла» включилась негромкая легкая музыка и начали бегать разноцветные лучи. Каждый луч отвечал за сканирование отдельного органа. Никакой боли, никаких неудобств. Николай Константинович словно попал в эпицентр веселой вечеринки. С одной только разницей: в отличие от вечеринки, пребывание в капсуле благотворно сказывалось на здоровье пациента. На протяжении всего сеанса в котел Ершова подавался ионизированный воздух, насыщенный летучими солями, озоном, кислородом и другими лакомствами для красных кровяных телец. Если закрыть глаза, можно было представить себя на берегу моря.

Спустя десять минут процедура закончилась. Не успел Николай Константинович выбраться из капсулы, как его перстень-разумник завибрировал, извещая о поступлении нового сообщения от Государственной медицинской службы.

– Ага! – обрадовался император.

Пришел подробный отчет о состоянии здоровья пациента, с моментальной постановкой диагнозов, схемой лечения, списком необходимых лекарств и ценами на них в различных аптеках. Красным была выделена только одна строчка из сотни: «Заболевания сердца». Государь страдал от аритмии, проявившейся у него после ухода любимой супруги. «Изношенность сердца – 22 %» – по проценту за каждый год жизни без Василисы.

Никаких сюрпризов организм за это время не приготовил.

– Неплохой результат для сорокасемилетнего мужчины, – поздравил государя врач и позвал грузчиков забирать котел Ершова.

В настройках перстня-разумника, в разделе «Любимые медицинские учреждения», Николай Константинович уже давно выбрал «Аптеку Ламперта» на Васильевском острове (аптека немедленно обзавелась яркой вывеской «Поставщик Императорского двора»), и именно туда сейчас автоматически направился запрос на доставку назначенных препаратов. Сразу же на перстень пришло сообщение о списании соответствующей суммы за лекарства с банковского счета государя.

Квадрокоптер, нагруженный пилюлями всех цветов радуги, прибыл в Зимний через полчаса, застав уже полностью одетого императора – коричневый твидовый костюм и белая рубашка без галстука – в библиотеке. Пока Николай Константинович открывал окно и освобождал квадрокоптер от лечебного груза, со стороны Фельдмаршальского зала на своем черно-красном гироскутере прилетел взбудораженный Столыпин.

– Вашвеличество, я только что с собрания творческой группы!

– Ну и что вы там натворили со своей группой? – поинтересовался император, не торопясь закрывать стеклопакет и вдыхая полной грудью сладкий весенний воздух. Небо было ясное, свежее, как только что покрашенный в цвет «Аквамарин» кузов новенького «русско-балта». В такой хороший денек Кати наверняка рванет в Царское Село. Девочка жить не может без лошадей.

Солнце игралось с золотым корабликом Адмиралтейства. Кораблик ликующе расправил паруса. Николая Константиновича неудержимо тянуло в странствия.

И человек, который, сам не подозревая об этом, поможет ему отправиться в давно спланированное путешествие, стоял перед ним.

Человек этот выглядел необыкновенно довольным собой.

– Что ж, вашвеличество, позвольте доложить вам об успешном ходе нашего проекта. Моим ребяткам хватило нескольких минут, чтобы составить психологический портрет ее императорского высочества, пока мы выясняли, какие мужчины ей нравятся. И теперь мы вполне уверены, что сумеем подобрать для великой княжны идеальных кандидатов в женихи! – выпалил Столыпин, дергая себя за магнитный пропуск. Купидончики с галстука обер-камергера (похожие, как показалось государю, на толстенького церемониймейстера) целились любовными стрелами прямо в грудь императору.

– Семен, я полагаю, ты осознаешь, что права на ошибку у нас нет? – уточнил Николай Константинович, захлопывая окно и подходя к столу, на котором вдруг ожил красный принтер с коронованной золотой рыбкой. Каждый будний день, ровно в одиннадцать, красный принтер распечатывал на рисовой бумаге телеграммы, письма, адресованные лично государю, ходатайства, прошения, жалобы, секретные отчеты из министерств и Третьего отделения канцелярии. На

рисовой бумаге – чтобы сберечь знаменитые русские леса. После того как в Приамурье научились выращивать рис не хуже азиатского, дешевая, да при этом еще и съедобная бумага легко вытеснила с рынка обычную, невкусную и неэкологичную. – Весь мир будет следить за ходом телешоу, все знают о недавнем расставании великой княжны с Джимом, и если снова ничего не получится… Не хочется, чтобы мою дочь называли ветреной.

– Разумеется, вашвеличество. – Столыпин закивал так активно, как будто голова у него держалась на знаменитых русско-балтовских неубиваемых шарнирах. – Двести лучших психологов занимаются кастингом.

– Двести? Лучших? – скептически переспросил Николай Константинович, усаживаясь за стол и с тоской принимаясь перелистывать внушительную стопку свеженьких документов. Все они требовали немедленного высочайшего рассмотрения. Пару лет назад красному принтеру приходилось трудиться еще усерднее, распечатывая послания от главы правительства – бывший премьер-министр не любил выходить из своего кабинета, предпочитал общаться с императором дистанционно. Как комфортно работалось с ним Николаю Константиновичу! Мелисса же взяла за правило лично забегать к его величеству в библиотеку, чтобы обсудить текущие вопросы, да еще и ввела традицию присоединяться к Романовым за обедом. – Двести лучших специалистов. А на какие, дорогой мой Семен, средства мы будем содержать всю эту анализирующую ораву? Ты же прекрасно знаешь, что финансирование императорского двора сейчас сведено до исторического минимума. Монарх в Российской империи теперь не то, что полтора века назад. Мы с великой княжной несем по большому счету декоративную функцию – вот как эта ваза, – махнул он рукой в сторону расписного китайского напольного сосуда эпохи династии Минь, – без нее как-то пустовато, но вполне можно жить. Так что денег не проси, их нет!

Столыпин торжествующе потянул себя за магнитный пропуск.

– Вашвеличество, не зря вы изволили выдать мне этот знак своего доверия! Да, мой прапрадедушка сейчас гордился бы мной. Как говорил Петр Аркадьевич, «дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для нас всех, русских», и то же самое я сказал в разговоре с креативным директором «Всемогущего». Одним словом, телевизионщики все оплатят: возьмут на себя абсолютно все расходы, в том числе и на психологов. «Всемогущий» не меньше нашего заинтересован в красивом финале проекта!

– Уверен, что не настолько сильно, как я, – пробормотал Николай Константинович, доставая из-под кипы документов затертую на сгибах дорожную карту. Пока Столыпин хвастался своим умением проводить переговоры, император решил внести пару поправок в будущий маршрут своего секретного путешествия. – Напомни, когда первый эфир?

– Девятого мая.

– Полагаю, такое важное событие, как начало конкурса на звание жениха великой княжны, заслуживает достойного обрамления. Пометь себе где-нибудь: запустить 9 мая фейерверки.

– Будет сделано! – Столыпин тут же поставил напоминание в своем перстне-разумнике. – И думаю, я смогу добиться, чтобы и фейерверки оплатил «Всемогущий». Боже, да бюджет этого канала сравним с государственным! Пусть маленькой европейской страны, но все же…

– Думаешь, успеем до дня рождения Кати? – не удержался от вопроса Николай Константинович. – Очень хочется успеть.

– Вашвеличество, гарантирую, что успеем! – воскликнул Столыпин. – В противном случае я сдам свой ключ обер-камергера!

Император усмехнулся краешком рта.

– Нет уж, если что и сдавать – то твой магнитный пропуск, Семенушка.

Николай Константинович очень не любил угрозы, но тут случай был особый.

Его предок и тезка, Николай Второй, получил трон в двадцать шесть лет. Потом традиция прервалась. Сын Николая Второго Алексей правил до самой своей смерти в тысяча девятьсот шестьдесят пятом. В том году его наследнику, Константину, исполнилось как раз двадцать шесть – традиция неожиданно возобновилась. Когда столько же стукнуло следующему Романову – цесаревичу Николаю, нынешнему правителю, Константин в возрасте пятидесяти шести лет отрекся от престола. Со словами: «Стране нужна свежая кровь, динамика, стремительность и нестандартные решения, а такие под силу лишь молодым

правителям», – Константин Алексеевич передал скипетр и державу сыну и сбежал в свою скромную резиденцию на берегу Черного моря, где отпустил бороду и не на шутку увлекся садоводством, а также виноделием.

Теперь наступало время Николая Константиновича. Журналисты, умеющие считать, все чаще спрашивали, будет ли в следующему году продолжен обычай передачи власти двадцатишестилетнему наследнику, точнее, наследнице. Император пока отмалчивался, не желая раскачивать лодку, в которой сам находился.

Но в глубине души Николай Константинович ждал отречения от престола так же сильно, как когда-то – запуска в серийное производство «танцующего «русско-балта» с улучшенной пневмоподвеской, на разработку которой он потратил много лет. А оставлять государство на одинокую несчастную девушку, которая того и гляди объявит войну второй величайшей стране мира, было по меньшей мере неразумно.

Император сложил дорожную карту и убрал ее в нижний ящик стола.

– Хорошо, Семен, давай обсудим расписание на сегодня.

– Конечно, вашвеличество. – Столыпин, изрядно напуганный перспективой лишиться магического пропуска, перестал его лихорадочно прятать в спасительных объятиях купидончиков и активировал свой перстень-разумник. Кольцо послушно воспроизвело над собой голубоватую тактильную голограмму в виде календаря. Столыпин тут же принялся нажимать числа пальцем. – Через двенадцать минут у вас встреча с испанским послом доном Карраско…

– О нет, только не этот матадор! Опять заплюет мне весь стол. Надоел хуже горькой редьки. Будет выпрашивать корабли для аннексии Венесуэлы. Ходит ко мне чуть ли не каждый божий день. – Николай Константинович резко вышел из-за стола. – Я этому дону Карраско сразу сказал, что идея восстановления Испанской империи путем захвата Южной Америки – непорядочная и поддержки у меня не найдет. А он все ходит и ходит.

– Отменить встречу?

– Нельзя, – мрачно ответил государь. – Их королю это не понравится. Международный скандал выйдет. Придется терпеть. И мягко уходить от ответа. Дальше?

– Дальше – граф Роберт Вяземский с прошением…

– Что этому повесе нужно?

– Во Францию хочет, вашвеличество. Послом.

– Ну еще бы. Я бы удивился, если бы он пожелал посольствовать где-нибудь в Сомали. Понятно. Что еще?

– Встреча с патриархом Доброжиром, будет уговаривать вас покреститься…

– Не буду я креститься! – Будь Николай Константинович чуть менее сдержанным, ударил бы сейчас кулаком по столу. – Дед мой провозгласил равнозначность всех религий на территории Российской империи, и я не собираюсь нарушать установленные им правила. Монарх должен оставаться в стороне от любых вероисповеданий! Пусть этот Доброжир хоть полдня краснобайствует.

– Нет, полдня ему не удастся краснобайствовать, потому что в два часа у вас – награждение в Большом Тронном зале. Орден Рукопожатия, орден Хохломы, орден Подвески.

– Ага! Хоть что-то приятное.

Орден Рукопожатия ввел тот самый антирелигиозный дед Николая Константиновича, оставшийся в истории как государь Алексей Миротворец. Вообще-то в детстве цесаревич Алексей любил все военное, в том числе солдатские щи и черный хлеб, про которые говорил: «Вот это вкусно, не то что наш обед». Однако чуть позже Алексей Николаевич оказался с неофициальным визитом в Китае, где как-то вдруг проникся идеями буддизма и всеобщего равенства. После Великого азиатского путешествия он шокировал весь мир своей женитьбой на простой служанке и странным для русского монарха желанием дружить со всем миром. При Алексее Николаевиче диковатая Россия наконец-то расслабилась и широко улыбнулась своим соседям.

Орден Хохломы учредил отец нынешнего императора. Константин Алексеевич, он же Константин Великолепный, прежде чем посвятить жизнь борьбе с виноградными блошками в условиях влажных субтропиков, прославился благодаря своей любви ко всему прекрасному и, в частности, дизайну. Он стал одним из основателей стиля «русский модерн»; при нем зародились и получили всемирную известность российские компании, специализирующиеся на интерьере (в частности, межконтинентальный гигант «Хохлома»); именно Константин Алексеевич затеял невиданную по своим масштабам государственную программу «Разумная изба». Девиз программы, на которую ежегодно выделялись из бюджета огромные деньги: «Просторный, красивый, современный дом для каждого жителя империи». При Константине Великолепном Россия стала яркой и впечатляющей.

Орден Подвески был личной придумкой самого Николая Константиновича. Полное название награды – «Прогрессивный орден Пневматической Подвески»; вручали ее за особые достижения в науке и технике.

– В три часа – обед с премьер-министром в Арапской столовой. Вы будете с Мелиссой Карловной тет-а-тет – великая княжна сообщила, что останется до вечера в конюшнях Царского Села.

Император покачал головой:

– Снова обедаю с госпожой Майер? Да когда же эта женщина угомонится?

Глава 6. Театральная интрига

Мелисса нисколько не боялась показаться навязчивой. Она ставила себе цель – и двигалась к ней.

Сразу после обеда тет-а-тет, прошедшего, прямо скажем, так себе – государь был весь в своих мыслях и на разговорчивую компаньоншу особого внимания не обращал (копченый лосось был и то дружелюбнее), – Мелисса напросилась на премьеру спектакля «Понедельник начинается в субботу».

Вообще-то работы у нее было так много, что времени на светские развлечения совсем не оставалось. Да и к театру Мелисса была вполне равнодушна. Но за обедом из императора удалось вытянуть, что он не мыслит своей жизни без Мельпомены и Талии. После легкого замешательства Мелисса смутно припомнила, что вроде бы так звали древнегреческих муз трагедии и комедии.

Что ж, неудивительно, ведь пропавшая супруга Николаса была актрисой. И хорошей, признавала Мелисса. Фильмы с участием Василисы Прекрасной (разумеется, это был псевдоним; в мире искусства с непритязательной фамилией Горшкова далеко не уедешь) за эти годы стали классикой.

Так что, если Мелисса хотела привлечь внимание самого могущественного мужчины на земле, стоило немного напрячься и усилием воли приподнять уровень своей культурности.

Втайне она предвкушала, как Николас, грустя в одинокой роскоши императорской ложи, случайно наведет бинокль на партер, а там… Там она.

Мелисса тщательно продумала свой образ на вечер: красное шелковое платье с драпировкой в районе декольте; небрежная, но требующая много труда укладка; бриллианты в ушах и на запястье; бриллиантовая же накладка на перстне-разумнике. Разумеется, шпильки – с ее ростом это было просто необходимо. Итак, весь первый акт Николас будет рассматривать Мелиссу в бинокль, а в антракте пригласит к себе в ложу.

И тогда на следующее утро все мировые средства массовой информации выйдут под заголовками вроде «Его Императорское Величество + Мелисса Майер =?», «Красивые и влиятельные», «Невероятный вираж российской власти», «Высочайшее свидание или деловая встреча в театре?». Майн готт, Ангел Головастиков с ума сойдет. Звонок от продюсеров «Всемогущего» гарантирован.

Мелисса и сама не знала, чего больше в ее страстном желании влюбить в себя императора: тщеславия или искренних чувств к Николасу. Относилась бы она к нему так же, если бы Николас был, скажем, простым инженером Русско-Балтийского завода? Не исключено – его непоколебимая сдержанность заводила Мелиссу, привыкшую к мужскому обожанию. Но статус Императора Российского возносил Николаса на совершенно другой уровень. Первый после Бога. Католичка Майер не могла себе позволить его упустить. Вечер в

Александринском театре должен был стать судьбоносным.

Но до вечера еще следовало дожить.

После обеда Мелиссе предстояла встреча с министром народного просвещения. Нужно было как-то решать проблему со Смольным институтом благородных девиц.

Проблемы, проблемы, проблемы… Вся ее работа состояла в решении неиссякаемых проблем. Иногда она казалась себе маленьким испуганным бобром с черной блестящей шерсткой, которого выкинули посреди Ниагарского водопада и приказали строить запруду.

– Мелисса Карловна, мое почтение, – поприветствовал главу правительства министр просвещения Евфимий Петрович Ширинский, тяжело отдуваясь и оседая в истертое бархатное кресло, вытащенное по случаю хорошей погоды на крышу Зимнего. – Уфф, высоковато вы забрались!

Плоскую кровлю на дворце соорудили еще во времена правления Константина Алексеевича – это была одна из новаторских дизайнерских идей императора. Трехметровые медные Аполлоны и Дианы, дежурящие на карнизе Зимнего с факелами в руках, охраняли километры солнечных батарей. Здесь же, невидимые с уровня земли, стояли плоские и широкие корыта с полимерным покрытием – для дождевой воды, которая затем автоматически подавалась в дворцовый водопровод. Умный особняк умел экономить деньги в любую погоду: в солнечную накапливал бесплатное электричество, в ливень – бесплатную воду.

На западной стороне крыши располагалась уютная открытая терраса, где Мелисса в хорошую погоду – такую, как сегодня, – проводила совещания, любуясь солнцем, медленно растворяющимся в Финском заливе.

– Ничего, Евфимий Петрович, терпите. – Мелисса заправила за ухо растрепанные весенним ветром волосы. – Вам, мой друг, невредно лишний раз пробежаться по ступенькам – глядишь, и повысите в крови уровень гормона счастья. Серотонин, кажется, так он называется? Вы же министр просвещения, должны знать!

– Никак нет, Мелисса Карловна, – вытер платком широкий лоб Евфимий Петрович. Затем снял круглые очочки, казавшиеся игрушечными на его большом

лице, и обстоятельно протер их тем же платком. («Тоже мне министр просвещения! – подумала Мелисса. – Неужели не может сходить на бесплатную лазерную коррекцию зрения? В самых глухих деревнях эти аппараты есть».) – Не имею чести знать. Если вы изволите вспомнить, я раньше был учителем математики, а не естествознания.

– Ладно, господин Архимед, – покровительственно сказала Мелисса и открыла толстую папку с документами. – А решите-ка вы тогда вот такую задачку. Дано: один институт благородных девиц и десять тысяч мамаш, желающих пристроить своих сыночков в этот институт. Найти: способ удовлетворить этих мамаш и не нарушить при этом устав института, запрещающий принимать мальчиков. Ну-с, проверим, как вы выполнили свое домашнее задание, Архимед Петрович? Продолжать и дальше отмалчиваться нам с вами не удастся. Пресса рвет и мечет.

Евфимий Петрович вздохнул еще тяжелее, чем после подъема на крышу. Круглые очочки вновь подверглись старательному протиранию. Вероятно, они служили ему чем-то вроде успокоительных четок, осенило Мелиссу.

– Задачка, Мелисса Карловна, и правда перед нами трудная. Сомневаюсь, что сам Архимед, даже залезь он в самую расслабляющую ванну, вряд ли с ней справился бы. Слишком много интересов затронуто… Мне ведь пишут и мамочки «смолянок», очень много пишут, очень недовольны перспективой заселения молодых парней в Смольный… – Ширинский пристроил очочки обратно на переносицу и пожал толстыми плечами. – С другой стороны, мамы мальчиков готовят исковое заявление в суд, мне показали черновик, секундочку… – Он вывел голограмму из перстня. – Вот, «в отношении наших сыновей Смольный институт проявляет дискриминацию по половому признаку и ограничивает их доступ к изящному образованию, совмещенному с приятным времяпрепровождением… Начальница Смольного проявляет необъяснимую стервозность… Наши сыновья имеют полное право стать «смолянами» и так же, как и нынешние воспитанницы, танцевать, музицировать, изучать живопись, геральдику, три иностранных языка и правила светского обхождения и учтивости».

– Не слишком-то учтиво ведут себя эти мамаши, – заметила Мелисса. – Им самим не помешает записаться в Смольный на урок хороших манер.

– Будучи математиком, Мелисса Карловна, я вижу два варианта решения проблемы и, откровенно говоря, оба они мне не нравятся.

– Давайте, Евфимий Петрович, жгите, – милостиво позволила Мелисса, с интересом глядя на мрачного министра.

– Вариант номер один: открыть двери легендарного Института благородных девиц для лиц мужского пола. Орущие, как вы изволили их назвать, мамаши успокоятся. Но, по моему личному мнению, по мнению отца взрослой дочери, это примерно то же самое, что запустить лис в курятник. Да и начальница Смольного заявила, что, если мы только тронем устав, она первым же самолетом улетит в Сорбонну, куда ее давно зовут. Терять такого руководителя мы не можем.

– Так, от первого варианта вы меня уже отговорили, – кивнула Мелисса. – Давайте второй.

– Второй – противоположный. Двери Смольного не открывать. Тогда – социальный взрыв, эти женщины ради своих мальчиков способны на многое… Как минимум на долгую судебную тяжбу, которая не прибавит нам популярности… Конечно, вездесущий «Всемогущий» подольет масла в огонь. Вероятно, вам придется показательно отправить меня в отставку… И, возможно, в конце концов все-таки пустить парней к девицам. Так что все жертвы будут напрасны…

– Да уж, мой милый, ну вы тут нарисовали апокалипсис! – Мелисса встряхнула головой, отгоняя страшные видения краха системы народного просвещения в Российской империи. – Босх отдыхает.

Премьер-министр в раздумьях встала с бархатного кресла и подошла к парапету крыши. Слева, словно второе светило, сиял громадный купол Исаакиевского собора.

– Послушайте, Евфимий Петрович, а если пойти совсем другим путем? Отбросим ваши убогие варианты. Может, вернем богослужения в программу Смольного? А что? Снова введем молитвы, исповеди, пригласим священника. Как при Марии Федоровне. Патриарх Доброжир будет счастлив. А мамаши сами не захотят отправлять в такое устаревшее религиозное заведение своих драгоценных

сыночков.

– Оригинальное решение, Мелисса Карловна, – признал министр, поправляя очочки. – Но это будет противоречить Указу Его Императорского Величества Алексея Николаевича об отмене обязательного православия для детей. Общественность нас, опять же, не поймет.

– Вы правы, дружочек Евфимий Петрович, вы безусловно правы…

Мелисса прикоснулась к холодной сильной руке Юпитера и посмотрела вниз, на растрескавшуюся Неву. Река вскроется совсем-совсем скоро, высвободив колоссальную, неудержимую энергию.

Вдруг премьер-министру пришла в голову одна идея. Черт побери, она не случайно стала лидером «Вольнодумцев» – одной из двух главных российских партий.

– Ну, милый друг Евфимий Петрович, – развернулась Мелисса к министру, – готовьтесь прыгать и кричать «эврика». Я подарю вам точку опоры, которая перевернет весь мир этих орущих мамаш и хнычущих мамочек.

– А?

– Вот вам и «а», и «б», и «в». У нас, кажется, здание Академической гимназии на набережной Тучкова до сих пор так и пустует?

– Это где Ломоносов учился? Да, там пытались сделать частную школу, но не вышло.

– И еще один вопрос. Вы, мой дорогой, вроде хвастались, что у вашего ведомства денег полно?

– Э-э, – снял очочки министр, – мы действительно неплохо заработали на платных семинарах для иностранных учителей. Вообразите только, Мелисса Карловна, к нам со всей Европы преподаватели едут, хотят повысить свою квалификацию!.. Я тут слышал, что правительство Бельгии собирается в обязательном порядке, за госсчет, отправлять своих учителей к нам на

переобучение. Мне это напомнило тысяча девятьсот четырнадцатый, когда по просьбе США Россия послала в Америку две тысячи русских инженеров для создания тяжелой военной промышленности…

– Вот и славно. Тогда в решении нашей задачи применим известный математический метод «от обратного»: чему завидуют орущие мамаши? Конечно, эксклюзивности. Она задевает их самолюбие. Их раздражает, что ни при каких обстоятельствах они не могут попасть в этот институт. Чего добиваются орущие мамаши? Разрушения магической атмосферы эксклюзивности, сохранившейся в Смольном институте. Значит, чтобы отвлечь их от деструктивных мыслей, мы должны предложить им еще бо?льшую эксклюзивность, которая вознесет их самолюбие на недостижимую высоту. – Мелисса возбужденно описывала круги вокруг сидящего в бархатном кресле министра. – Раз у нас есть деньги, и подходящее здание, и достойная история – мы возродим знаменитую Академическую гимназию. Только для мальчиков!

И она, сама того не замечая, во время очередного круга взъерошила жидкую шевелюру министра.

– Подготовьте бизнес-план, учебный план, обязательно возьмите в команду рекламщиков, пусть придумают яркое информационное оформление. Возможно, стоит назвать заведение «Новая академическая гимназия для благородных юношей», подумайте там, – инструктировала она Евфимия Петровича. – Главное – зацепить мамаш. Чтобы они поняли, что новое заведение оставит Смольный далеко позади. Побольше блеска, треска! Пригласите новостийщиков со «Всемогущего». Жду от вас конфетки, одним словом!

Окрыленный министр вперевалку направился в сторону лестницы – исполнять.

В последнюю секунду Мелисса окликнула его:

– Евфимий Петрович! Дружочек! Если вдруг проявится Ангел Головастиков, сразу звоните мне! Я сама с ним пообщаюсь.

Время до захода солнца прошло сумбурно. Заявился молодой, но уже очень настырный граф Вяземский, возжелавший отправиться в Париж на бюджетные деньги. Надо же, куда наметился: в двадцать восемь лет послом во Францию! Выпрашивал протекцию – хотел, чтобы Мелисса походатайствовала за него

перед государем. Премьер-министр быстро отделалась от надоеды – сейчас не до Вяземского, кто бы за нее саму перед государем походатайствовал.

По дороге в театр заскочила в Мариинский дворец: встретилась с парочкой однопартийцев – по своей личной инициативе. Пыталась кулуарно убедить их в том, что бюджет на содержание императорской семьи следует увеличить. Однопартийцы отводили глаза. Правда, оба похвалили ее платье.

И вот наконец Александринка. Черт, спектакль уже начался. Думая о том, что симпатичный заголовок «Премьер-министр на премьере» обеспечен ей в любом случае, Мелисса пробежала по пустому фойе. Телохранитель-казак едва за ней поспевал.

Рослый капельдинер, поджав губы, тихо открыл тяжелую дубовую дверь, ведущую в полутемный зал. Там уже раздавались глубокие голоса актеров.

Мелисса, стыдливо пригнув голову (какое неудачное начало судьбоносного вечера!), сделала несколько шагов по направлению к пустующему креслу в первом ряду. Зрители расхохотались. Мелисса пугливо обернулась и поняла, что смеются не над ней – похоже, спектакль был по-настоящему забавным.

Краем глаза заметила смутную фигуру в императорской ложе. Итак, государь был здесь.

Весь первый акт Мелисса провела как на иголках. Из партера никак не удавалось разглядеть, видит ли ее император. У чиновницы даже шею прихватило. Довертелась головой до того, что сидящий позади знакомый контр-адмирал прошептал: «Простите, Мелисса Карловна, но вы так дергаетесь, что меня уже укачало».

В антракте к императору подойти не удалось. Мелисса выскочила в фойе, заполненное шумом и драгоценностями, и сразу наткнулась на группу озабоченных журналистов, приставших к ней с единственным вопросом: «Отречется ли Николай Константинович от престола сразу после дня рождения великой княжны?» Мелисса не знала. Но никто в это не поверил. Ни на какие другие темы представители прессы общаться не хотели, поэтому чиновница ушла из фойе несолоно хлебавши, так и не дав ни одного интервью. Однако своими расспросами журналисты направили ее мысли в новое русло. Мелисса

всерьез озаботилась тем, что бы такое сделать, чтобы не отпустить государя.

Во втором акте премьер-министр, вынужденная из-за обездвиженной шеи смотреть прямо на сцену, внезапно увлеклась спектаклем. «Понедельник начинается в субботу» словно был списан с ее жизни: герой – член Русского физико-химического общества – сгорает на работе в окружении чудес. Совсем как она! В РФХО герою трудно, но ужасно интересно: физики и химики проводят сказочно сложные опыты и делают волшебные открытия, пока руководство тратит все деньги на бесконечные ремонты и перекраски здания общества.

Пьеса была сатирической: высмеивала увлеченность императора Константина Великолепного дизайном; во времена его царствования естественные науки отошли на второй план.

Вообще-то Александринка немного опоздала с премьерой – лет эдак на двадцать шесть; роман братьев Стругацких был опубликован давным-давно; но театр был слишком академичен, его художественный руководитель всегда давал бестселлерам как следует настояться.

Особенно Мелиссе понравилась сцена, когда друг главного героя швырнул в эпицентр космического взрыва бутылку с джинном. Джинн, которого играл двухметровый араб устрашающего вида, упал на театральный огонь, изображающий взрыв, и спас Вселенную в целом и главного героя с его другом в частности.

Из императорской ложи крикнули «браво!», громко зааплодировали и засвистели.

– Что? – обернулась всем телом Мелисса. Как странно! Слишком бурная реакция для сдержанного Николаса.

Включился свет, актеры вышли на поклон, но премьер-министр невежливо стояла к ним спиной. Пока зал бушевал, благодаря труппу за отличный спектакль, Мелисса в немом изумлении смотрела на Константина Алексеевича, занявшего место своего сына в императорской ложе. Пожилой экс-государь, в яркой рубашке с попугаями, хлопал громче всех.

Николас вообще не пришел. Черт, возлюбленный ускользает, как вода сквозь пальцы.

Вернувшись домой – то есть оказавшись в своей опочивальне на третьем этаже Зимнего, над покоями императора, Мелисса скинула неудобные туфли и, не тратя времени на переодевание, набрала номер графа Вяземского.

– Роберт? – тихо сказала она в перстень-разумник. – Хочешь во Францию?

– О, ваше превосходительство! – Вяземский враз проснулся, судя по голосу, звучавшему в крошечной беспроводной гарнитуре, которая уютно устроилась у Мелиссы в ухе (гарнитура шла в комплекте с перстнем).

– Тогда завтра заскочи ко мне. Для тебя есть задание. Станешь моим джинном.

Глава 7. Отвечайте не задумываясь

– Мы зададим вам несколько вопросов. Отвечайте не задумываясь.

Надоело, надоело, надоело!

Великая княжна смотрела очередное – кажется, двадцатое по счету? – видеоинтервью с участниками конкурса. Нет, психологи проделали просто титаническую работу: из сотен тысяч кандидатов оставили пятьдесят самых перспективных, но выбрать из этой полусотни пятерых счастливчиков предстояло ей самой.

Как жаль, как все-таки жаль, что маменьки нет рядом! Она бы подсказала, на кого обратить внимание. Судя по маминым фильмам, которые Екатерина знала наизусть, Василиса Прекрасная умела слушать – у нее был очень понимающий вид, когда кто-то из героев рыдал и просил совета. Добрые голубые глаза, нежный голос… Тоска тут же сменилась застарелой обидой. Нет, родительница выбрала более увлекательную жизнь, чем нянчиться тут с ребенком. Мамины голубые глаза, с детства привыкшие к серому петербургскому небу, должно быть, щурятся сейчас от белого африканского солнца.

Екатерина нахмурилась и уставилась в телевизор.

Большой экран, выглядевший довольно экзотично на фоне малахитово-золотых стен гостиной, показывал запись финальных интервью. Склеены они были по принципу «вопрос – и пятьдесят ответов на него», почему-то психологи решили, что так будет нагляднее. Получился мучительный, занудный ролик.

В какой-то момент все парни стали казаться Екатерине одинаковыми. Вообще-то они и правда были похожи друг на друга – рослые, видные ребята с открытыми улыбками и умными глазами. Симпатичные, но не слишком: во всяком случае, не смазливые. Каждый из них мог бы сняться в фильме о конце света в роли героя, спасающего мир от злых инопланетян; но вряд ли в рекламе галстуков от Лидваля. В общем, идеальные партнеры.

Екатерина словно попала на фабрику сладостей.

Но есть почему-то не хотелось. Был конец апреля, и хотелось запрыгнуть на спину шоколадному Кирину и лететь по весеннему царскосельскому парку.

Так, все эмоции – прочь. Надо собраться и вникнуть в ответы кандидатов на стандартные вопросы психологов. Все это очень напоминало собеседование при приеме на работу. Самую престижную и приятную работу на земле.

– Почему вы решили участвовать в конкурсе?

– Давно влюблен в великую княжну…

– Восхищаюсь красотой ее императорского высочества…

– Очарован…

– Околдован…

– Сведен с ума…

– Люблю девушек спортивного телосложения с зелеными глазами…

– Хочу познакомиться с внучкой человека, придумавшего гениальную программу «Разумная изба». – Этот трезвый ответ сразу заставил Екатерину встрепенуться и нажать на «паузу». Титры внизу экрана сообщали, что кандидата зовут Иван. Он не так походил на гренадера, как предыдущие интервьюируемые. Высокий лоб, внимательный взгляд синих глаз. Общая интеллигентность. Простая белая рубашка.

Екатерина сверилась с распечатанными на рисовой бумаге анкетами. Двадцатидевятилетний Иван Воронихин был из династии знаменитых русских зодчих. Сам он продолжил семейные традиции, став штатным архитектором Императорской строительной коллегии, специально созданной Константином Алексеевичем для реализации своей амбициозной программы по модернизации деревень.

После Ивана череда сереньких, невыразительных, а порой и возмутительных ответов возобновилась.

– Только что развелся, хочу развеяться…

– Никогда не был в Петербурге, интересно посмотреть на столицу империи…

– Хочу засветиться на телике…

И снова:

– Влюблен…

– Очарован…

– Восхищаюсь…

– А я пришел на кастинг просто так. За компанию с приятелем. Мы работаем с ним в одной конторе, ну вот я за ним и увязался, делать было нечего, – признался веселый парень с перебитым носом и необъятными плечами.

Екатерина расхохоталась – хотя носителям императорской фамилии хохотать неприлично.

«Пауза», анкета. Алексей Попович. А ведь и правда – настоящий русский богатырь, если не считать сине-красной клетчатой рубахи (следящие за модой богатыри предпочитают кольчуги, так ведь?). Алексей сложил руки на широкой груди, выставив на обозрение круглые бицепсы. Меньше всего этот светловолосый и голубоглазый здоровяк был похож на отличника, но тем не менее он был им: блестяще окончил Московский госуниверситет и поступил на службу в отдел автоматизации Императорской строительной коллегии, где занимался разработкой разумных систем для новых домов. Снова ИСК! Значит, они с Иваном коллеги. Наверное, именно за ним Алексей и увязался.

Следующий вопрос для конкурсантов был посложнее:

– Какой самый дерзкий поступок вы совершали ради любви?

Посыпались ответы:

– Пел серенады под окном…

– Сделал татуировку с именем любимой…

– И поэтому ты автоматически выбываешь из нашего конкурса, – пробормотала Екатерина.

– Потратил все сбережения на кольцо с бриллиантом…

– Я пока не встретил любовь всей жизни. А потому все мои дерзкие поступки впереди, – мягко улыбнулся интеллигентный Иван. – Надеюсь, что мне захочется их совершить ради великой княжны, у меня хорошее предчувствие.

Екатерине понравился этот ответ. Так же, как и здоровый цинизм Алексея:

– Ради любви к женщине? Да ну, ерунда какая. Не стоит из-за девчонки шею ломать. Вот ради любви к работе я готов на все. Однажды тридцать шесть часов подряд на службе провел. Синхронизировали два датчика, чтобы при подъеме

клиента с кровати автоматически включался чайник на кухне.

Один из вопросов намеренно сбивал с ног:

– Представьте: в комнату заходит пингвин и на голове у него сомбреро. Что он скажет и почему он здесь?

Конкурсанты выглядели озадаченными:

– Э-э-э…

– Мм…

– Это розыгрыш?

– Можно следующий вопрос?

– А-а-а…

– Кря-кря? Не знаю.

Иван подошел к делу вдумчиво:

– Что ж, пингвины живут в Антарктиде, а Российская империя недавно заявила о намерении добывать полезные ископаемые на острове Петра Первого в Антарктике. Сомбреро – часть национального мексиканского костюма, так что, вероятно, пингвин сочувствует Мексике. Зачем он пришел к русским? Вероятно, чтобы сообщить, что Мексика также претендует на ресурсы острова Петра Первого, поскольку внятного территориального разграничения Антарктики до сих пор нет. Хотя остров-то открыл наш Беллинсгаузен!

Алексей, услышав вопрос, издал губами нечто, похожее на писк:

– Ребята, вы не поверите! Именно такое видение было у меня на тридцать шестом часу работы в ИСКе, помните, я говорил про датчики? В общем, сидим мы, по клавишам стучим, и вдруг я замечаю возле двери такого небольшого

несчастного пингвинчика в сомбреро. Нет, какой-то просто цирк. Ну, думаю, со сбитнем переборщил. Потому что пингвин мне отчетливо так говорит: «Леха! Леха, друг! Почему птицы не летают, как люди? Давай придумаем самолет для пингвинов! И я полечу высоко-высоко!» Такой болтливый пингвин попался.

И Алексей дурашливо подмигнул в камеру.

Только после этого Екатерина поняла, что парню не нужна срочная медицинская помощь – он просто-напросто шутит.

Что ж, кажется, двух кандидатов она уже выбрала.

Глава 8. Темные лошадки

Процесс отсматривания интервью растянулся на несколько дней и частично – ночей. Начальник колл-центра, видя, как Екатерина засыпает с наушниками на голове, потребовал, чтобы сотрудница взяла отпуск за свой счет раньше запланированного. Екатерина была не против: не очень-то приятно работать в окружении бессчетных плакатов с самодовольным Джимом. Хоть лично не пересекались, и на том спасибо.

Впрочем, от видеороликов ее тоже уже мутило. Добросовестно разделавшись с длиннющей записью, великая княжна поняла, что, кроме архитектора Ивана и технаря-балагура Алексея, больше она никого не выписала.

– Вот наказание, – в отчаянии сказала сама себе Екатерина и принялась за дело с самого начала. Может, пропустила кого-то достойного? Надо отсмотреть все заново.

– Мой самый дерзкий поступок? – задумался один из парней на видео. – Однажды, чтобы рассмешить свою невесту, я разделся догола прямо на Невском проспекте и минуты две нагишом танцевал на глазах у изумленных прохожих. Моя невеста очень смеялась, когда участковый городовой забирал меня в сыскное отделение. Правда, сразу после этого мы расстались…

– Это что еще за чумичка? – раздался знакомый голос из-за спины Екатерины. В Малахитовую гостиную неторопливо вошел Константин Великолепный. – Только не говори, что он тебе нравится, все равно не поверю.

– Ох, дедуля, у меня уже сил нет! – по-детски захныкала великая княжна. С дедушкой они всегда были большими друзьями. Екатерина проводила самые жаркие летние месяцы в его маленьком домике на берегу Черного моря, а осенью помогала императору-садоводу собирать собственноручно выращенный им виноград, от чего пальчики принцессы становились бордовыми и сладкими. Последние несколько недель Константин Алексеевич гостил в Зимнем дворце, с любопытством наблюдая за подготовкой к небывалому реалити-шоу. – Конечно, этот танцор-экспериментатор мне нисколечко не нравится. Все эти молодые люди такие скучные, нет в них изюминки. То ли психологи плохо поработали, то ли у меня после истории с Джимом сердце очерствело.

– Так-таки никто не приглянулся?

– Двое вроде ничего. Один из них, кстати, твой большой поклонник. Мечтает познакомиться с внучкой человека, который придумал «Разумную избу». Приятно?

– Еще бы! Но у меня для тебя, Катюша, есть одно спасительное предложение. – Константин Алексеевич, похожий на доброго волшебника в отпуске (опрятная белая борода, длинные пушистые усы и неизменная цветастая рубашка), протянул внучке диск без подписи.

– Что это, дедуль? – Екатерина недоуменно покрутила диск в руке.

– Это… – Дедушка изобразил на подоконнике барабанную дробь. – Это твой будущий муж!

– Мой кто?

– Катюш, тут дело такое. – Константин Алексеевич подхватил старинный стул и поставил его рядом с внучкиным креслом. – Мне написал письмишко один мой старинный приятель, король Испании. В общем, его средний сын для тебя – идеальная партия. Эмоциональный, красивый парень с пышным испанским именем. Второй в очереди на престол. Одним словом, то что доктор прописал! В

отличие от этих чумичек, – пренебрежительно кивнул он головой в сторону большого экрана.

– Дедуль, – закусила губу Екатерина, – что ж ты раньше-то не сказал? Я уже подписала контракт со «Всемогущим» – о том, что в ближайшие полгода обязуюсь ходить на свидания только с участниками шоу и только под прицелом телекамер. Слово Романовых прочнее карбона, как говорит папенька.

– Ну и держи свое карбоновое слово на здоровье, – понятливо покивал дедушка и заговорщицки подкрутил усы, – карбон очень легкий и держать его совсем нетрудно. Особенно если знать, что мой протеже – официальный участник конкурса. Он, правда, срезался на первом же туре, даже до интервью с психологами не дошел. Но, думаю, ты имеешь право внести его имя в пятерку финалистов.

Тонкие бровки великой княжны сошлись на переносице.

– Да, контракт позволяет мне проигнорировать рекомендации творческой группы, но я даже не знаю… Как-то неожиданно это все.

– Внученька, а ты посмотри на нас с бабушкой Мадлен! Живем душа в душу с одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Скоро будем отмечать полвека семейной жизни! А как поженились? Абсолютно по расчету! Я хотел со Швецией установить безвизовый режим, вот и начал умасливать шведского короля. Делал комплименты его младшей дочери, немного флиртовал с ней, приглашал на танец. Ну и закрутилось. А безвизовый режим ее папочка подарил нам на свадьбу, так что я своего добился, – усмехнулся дедушка в усы. – Ты, Катюша, рискни, испытай этого испанского принцульку-инфантульку – может, через пятьдесят лет еще вспомнишь дедушку добрым словом.

– Хорошо, дедуля, уговорил, – вздохнула великая княжна. В конце концов, большинство ее прабабушек выходили замуж не по любви. – Но хоть бы заранее увидеть этого пресловутого красавца!

– Пожалуйста, – указал на диск дедушка, – мне прислали его видеоанкету.

– Ах да… – Екатерина вспомнила, что держит в руках носитель информации. – Но дедуля! Скажи, почему такой устаревший формат? Честно говоря, сомневаюсь,

что в моем медиацентре вообще есть дисковод!

– Катюш, это же испанцы, – пожал плечами Константин Алексеевич, уходя. – Оливки у них, конечно, превосходные, и солнце тоже; а вот технологии отстают от наших на миллион световых лет.

Пока Екатерина возилась с доисторическим диском, в дверь Малахитовой гостиной громко и требовательно постучали.

– Да-да, заходите!

Может, дедушка вернулся с новым сомнительным предложением? Может, вытащит из нагрудного кармана, как фокусник кролика, еще одного «будущего мужа»? После разговора с внучкой Константин Алексеевич, лучась довольством и напевая в бороду, удалился на крышу Зимнего, чтобы «поставить там хоть парочку горшочков с базиликом и петрушкой».

Двери впустили в гостиную горящую энтузиазмом Мелиссу в полыхающем цикламеном брючном костюме.

– Ваше высочество Катарина, я к вам с небольшим вопросиком. – Глава правительства спрыгнула с фиолетового гироскутера.

– Слушаю, Мелисса Карловна. – Великая княжна бросила бессмысленные попытки вставить диск туда, куда он не хотел вставляться, и обернулась к премьер-министру.

– Скажите, Катарина, вы любите Париж?

– Париж? – удивилась Екатерина. – Вообще-то от вас я могла бы ожидать вопрос про Берлин. Но да, я люблю Париж. Кто же не любит!

Мелисса удовлетворенно кивнула и театрально упала в бархатное кресло великой княжны. Сочетание ярко-розового костюма с зеленой обивкой резало глаз. Екатерина непроизвольно поморщилась и примостилась рядом на дедушкином стульчике.

– А в чем, собственно, дело, Мелисса Карловна?

– Дело, ваше высочество, вот в чем. – Премьер-министр заправила короткие черные волосы за ухо и доверительно наклонилась к будущей императрице. – Я придумала вариант, как избежать невообразимых трудностей, которые начнутся у вас сразу после вашего дня рождения.

– Вы о возможной коронации? – поджала губы Екатерина. – Во-первых, это еще далеко не факт. Мы с папенькой даже не обсуждали этот вопрос. Во-вторых, почему вы решили, что у меня начнутся какие-то трудности? И что я хочу их избежать?

– Катарина, дорогая моя, неужели вы никогда не мечтали быть такой, как все? – понизив голос, спросила коварная Мелисса. Темные глаза сканировали душу великой княжны, как котел Ершова – тело. – Неужели вам никогда не хотелось жить беззаботной, легкой жизнью? Без государственных проблем, без неподъемной ответственности? Неужели вам никогда не казалось, что этот трон перечеркнет вашу личную жизнь, задушит вас как индивидуальность? Неужели вы никогда не думали: как было бы хорошо отпустить поводья и скакать, скакать куда глаза глядят?

Великая княжна молча отвела глаза. Взгляд ее невольно упал на фотографию Кирина, стоявшую на малахитовом туалетном столике.

– А я знаю, я чувствую, что вы со страхом ждете своего двадцатишестилетия, – искушала Мелисса. – Вы боитесь, что отец по традиции передаст вам трон. Вы не сможете отказаться. Ведь это ваш долг. И тогда у вас совсем не останется времени на конюшню. Какая несправедливость! Вы ведь даже не выбирали политику своей профессией. Вам просто не повезло родиться Романовой.

– Так, ладно, Мелисса Карловна, – прервала ее Екатерина. – К чему вы клоните?

– Мы с вами, Катарина, должны заключить пакт. Секретный, разумеется. – Мелисса приложила розовый пальчик к такого же оттенка губам. – Вы соглашаетесь взять в финал своего конкурса одного очень перспективного молодого человека, который по непонятным причинам не прошел отборочный тур, и, если найдете с ним общий язык – а я в этом уверена, – вы выходите за него замуж и уезжаете с ним в Париж. Я это устрою!

– Как? – скептически приподняла бровь Екатерина. – Как вы это устроите?

– Элементарно. Я рекомендую его на пост посла во Францию, вы проситесь поехать вместе с мужем, отец не станет мешать вашему семейному счастью и отпустит вас, а сам останется у власти. Опомниться не успеете, как окажетесь в очереди к Эйфелевой башни с круассаном в руке и беретом на голове!

Екатерина задумалась. Она чувствовала какой-то подвох, но пока не могла понять, в чем он. Эх, была не была, под венец все равно насильно ее не притащат.

– Кстати, что за перспективный молодой человек-то?

– О, вы его знаете! – воскликнула Мелисса. – Это душка граф Вяземский.

Глава 9. Плюс один

К концу дня список потенциальных женихов был почти готов:

– интеллигентный архитектор Иван (честный отбор);

– веселый технарь-богатырь Алексей (честный отбор);

– испанский принц-инфант с «пышным именем», которое еще предстояло выяснить (нечестный отбор, результат закулисных интриг);

– «душка» граф Роберт Вяземский (снова закулисные интриги).

Пятая строчка пока пустовала.

Уф, устала. В колл-центре в дни презентации новой модели «русско-балта» и то легче работать.

Великая княжна решила немного отвлечься от льющегося на нее потока молодых людей и взяла с малахитового столика книгу. «Золотого бизоненка» она перечитывала уже раз десять. И даже заказала его печатную версию вместо электронной. Приключения одесского авантюриста Бендера в Южной Америке неизменно вызывали у нее улыбку. Лучший момент – когда великому комбинатору после многочисленных испытаний все-таки удается найти несметные сокровища инков, в том числе отлитые из золота фигурки бизонов.

Вот было бы занятно, если бы в шоу принял участие такой изобретательный и неунывающий кандидат, как Остап! Конкурс сразу перестанет быть томным.

– Вашвысочество, можно? – В темном проеме дверей проявился силуэт обер-камергера.

– Давай, Семен, не стесняйся, у меня тут сегодня проходной двор, – махнула рукой великая княжна, откладывая книжку.

– Я не один. – И рядом со Столыпиным возник рыжеволосый парень в серой рубашке-поло.

Проклятье, и Сеня приволок жениха-нелегала? Это уж слишком!

– Что ты хотел, Семен? – ледяным тоном спросила великая княжна.

– Хотел познакомить вас с одним из режиссеров нашего реалити-шоу. – И Столыпин тихонько подтолкнул парня вперед. – Это Генри Спенсер. Он будет брать у вас интервью на протяжении всего конкурса.

Значит, коллега, а не кавалер. Екатерина оттаяла.

– Очень приятно! Екатерина Романова. Я уж подумала, что вы тоже собираетесь за мной ухаживать! – пошутила великая княжна.

– И в мыслях не было, – заверил ее Генри с едва заметным английским акцентом. – Я здесь исключительно по работе, ваше высочество.

«Заметно, что по работе, – подумала Екатерина. – С такой бессовестной щетиной за принцессами не ухаживают».

– Вы прекрасно говорите по-русски, Генри, – сказала она вслух. – Very well.

– Благодарю, ваше высочество. – Англичанин с достоинством поклонился. – Я уже несколько лет в России. Перенимаю у вас кинематографический опыт. Всегда мечтал попасть на Шепсинскую «фабрику грез», и три года назад наконец удалось.

– Да, не зря Шепси называют колыбелью мировой киноиндустрии, – с гордостью отозвалась великая княжна. – Как вам наше Черное море после Атлантики?

– О, превосходно! Я поражен масштабным проектом по замене всей этой гальки на чистейший белый песок, как в Индонезии.

– Конечно, удовольствие не из дешевых, – согласилась Екатерина. – Но государство не вложило ни копейки. Постарались наши кинематографические титаны. Ради привлечения туристов и создания хорошей натуры для съемок. Да у Шепсинской киностудии даже логотип соответствующий – песчаный берег с морской пеной… Впрочем, что я вам, профессионалу, рассказываю! Вы и так это знаете, раз там работали. Вероятно, вам сложно привыкнуть к петербургскому климату после мягкого черноморского? – подняла любимую англичанами тему Екатерина.

Генри пожал плечами.

– Здесь не больше туманов и дождей, чем на моей родине.

Столыпин, нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу, вмешался в беседу:

– Вашвысочество, позвольте поинтересоваться, как продвигается отбор кандидатов? На девятое мая, то есть через полторы недели, намечена встреча со всеми женихами в вашей летней резиденции, уже вовсю идет подготовка.

Почему-то Екатерине стало неловко. Возможно, из-за насмешливой искринки, мелькнувшей в серых глазах Генри.

– Прекрасно, Семен, прекрасно продвигается, – сдержанно ответила великая княжна. – Остались последние штрихи.

– Генри, ты не мог бы подождать меня за дверью? – обратился Столыпин к режиссеру.

– О, разумеется. Был рад познакомиться, ваше высочество.

Рыжик вновь не без изящества поклонился – какая обходительность для парня в серой рубашке! – и вышел из гостиной.

– Я понял, что вы не желаете делиться подробностями в присутствии постороннего, – откашлявшись, сказал Столыпин, – но, вашвысочество, вам придется привыкать к откровенности. Генри будет задавать весьма личные вопросы во время шоу.

– Семен, напомни еще раз, почему я вообще должна в этом участвовать? – устало спросила великая княжна.

– Потому что народ хочет знать о вас все. Потому что это необходимая мера для удержания уровня любви к монарху Российской империи на нынешнем высоком уровне, – с сочувствием ответил Столыпин.

– Сеня, это так тяжело, ты не представляешь!

– Представляю, вашвысочество, и очень желал бы вам помочь, но, к сожалению, не знаю как… А, вот! Хотите я вас рассмешу? Тоже расскажу вам кое-что личное!

– Слушаю, – с интересом посмотрела на обер-камергера Екатерина. – Что там у тебя за секреты?

– Я тоже присылал свою видеоанкету для участия в реалити-шоу!

– Что? В каком реалити-шоу?

– В вашем, вашвысочество! Признаюсь, я тоже хотел посоревноваться за вашу руку и сердце. – Семен весь раскраснелся и начал ковырять носком ботинка

зеленый ковер. – Ну вот, рассказал и стало легче.

– Сеня, но я не видела твоего интервью среди этих пятидесяти.

– А меня ведь психологи приглашали на следующий тур! – похвастался Столыпин. – Но я в последний момент решил, что это будет неэтично.

Великая княжна улыбнулась.

– Знаешь, Сеня, не нахожу в этом ничего неэтичного! Я тебя неплохо знаю… Кстати, что бы ты ответил на вопрос «почему вы решили участвовать в конкурсе»?

– Это просто, – развел руками Столыпин. – Я безумно люблю семью Романовых, и это единственный шанс для меня стать ее частью. Мамочка будет очень довольна… Ну и, честно говоря, у меня масса оригинальных планов для принца-консорта, а кто лучше всего их претворит в жизнь? Конечно, я сам!

– А вот это действительно откровенно, – кивнула Екатерина. – И потом, приятно будет увидеть знакомое лицо среди кандидатов. Ты и так уже почти что часть нашей семьи. Итак, Семен, поздравляю… – Она взяла список кандидатов и уверенной рукой вписала туда фамилию «Столыпин». – …Ты в финале! Готовься к необычному лету в Царском Селе!

Глава 10. Диверсия

Мелисса сидела на корточках под гигантским столом в Большом зале Екатерининского дворца и обливалась потом.

Черт побери, этот понедельник выдался совсем не таким, как она планировала. Вместо того, чтобы тихо-мирно готовиться к завтрашнему совещанию Совета министров, Мелисса вынуждена была бросить все на своего заместителя и примчаться сюда, в Царское Село, на вакуумном трамвае. А от этой скорости – шестьсот километров в час (даже пробка из нагретой бутылки шампанского вылетает в шесть раз медленнее!) – у нее всегда голова болела и в глазах

двоилось.

Сначала-то она хотела доверить мелкое пакостничество своему протеже, графу Вяземскому, но за ним весь день хвостом ходила камера. Пришлось опять все брать в свои руки. Тайком сбежала от своего телохранителя, закодировала камеры видеонаблюдения Екатерининского. Простая команда «Фрост-фрост-волчий хвост! Раз-два-три, картинка замри!» позволяла на некоторое время заморозить изображение, которое камеры посылали на сервер дворца, и обмануть не слишком внимательную охрану у мониторов. Мелисса изредка пользовалась этой командой во время проведения особо секретных переговоров в своем кабинете – в частности, когда к ней заглядывал Вяземский.

Черт, ноги совсем затекли.

– Пупочкин! Где этот проклятущий Пупочкин, кто-нибудь вообще в курсе? – заорали прямо рядом с ней.

Из-под длинной белой скатерти Мелисса видела только грязные коричневые ботинки на толстой рифленой подошве.

– Пупочкин!

– Кто видел Пупочкина?

– Вызовите главного осветителя! – отозвались множественные голоса за пределами видимости кукующей под столом Мелиссы.

Мышцы ног премьер-министра горели, как шапка на воре. Стараясь не производить заметного шума, Мелисса с осторожностью сапера сняла свои зеленые замшевые туфли на десятисантиметровых каблуках и медленно села на самую устойчивую часть своего тела, облаченного сегодня в лимонно-желтый костюм. Дерзким в костюме был не только цвет, но и покрой: не каждый премьер-министр может позволить себе носить шорты на работу.

И не каждый премьер-министр вовремя сообразит забраться под стол, чтобы не быть застуканным на месте преступления.

Под столом было до крайности мало места: Мелиссу со всех сторон окружали металлические контейнеры с острыми углами. Некоторые из них были очень горячими, а другие, наоборот, обжигали холодом. Все они жили какой-то своей жизнью: шипели, щелкали, бурлили, постукивали. От каждого отходили разноцветные проводки, переплетавшиеся под столешницей наподобие ниток в оренбургском пуховом платке.

Судя по крикам, поднявшимся в районе дверей, Пупочкина наконец нашли и притащили в зал.

– Что? Что это такое? – грозно вопрошал обладатель грязных ботинок. – Это кто так поставил прожекторы? Макака неразумная? Или, может, хомячок какой сюда прокрался?

– А в чем, собственно, дело? Что конкретно вас не устраивает? – довольно невнятно защищался невидимый Мелиссе Пупочкин, явно что-то дожевывая.

– Ха! Что меня не устраивает! – язвительно рассмеялся грязноботиночный. – Да все, все не устраивает! Ты, Пупочкин, осмотрись! Гляди не на пирожок свой, а вокруг! Что ты видишь?

– Ну прожекторы вижу, – индифферентно ответил Пупочкин.

– Так, еще что?

– Ну еще зеркала.

– Вот! Вот, Пупочкин! Ключевое слово – «зеркала»! Твои прожекторы отражаются во всех зеркалах. Грязь в кадре! Грязь чистой воды!

– Стоило из-за этого меня от обеда отрывать, – буркнул Пупочкин. – Мог спокойно пирожок доесть.

– Нет, вы посмотрите на него! – ахнул грязноботиночный. – Об утробе своей ненасытной только и думает. Ты мне это бельмо на ножке из кадра убери!

– Вообще-то я уже старался их убрать, – с достоинством отвечал Пупочкин. – Вообще-то я на расстановку этих прожекторов целое утро убил. Еле успел на обед. Я ж не виноват, что здесь сплошные зеркала! Это вы синьору Растрелли претензии предъявляйте, а не мне. Это он такие тоненькие простеночки придумал.

Пока грязноботиночный препирался с осветителем, Мелисса, маневрируя между контейнерами, тихо подползла к самому краю скатерти и одним накрашенным глазом выглянула наружу. Из-за пресловутых зеркал казалось, что телевизионщиков здесь примерно столько же, сколько муравьев в муравейнике. Но сейчас все они скопились возле входных дверей, на обеденный стол никто внимания не обращал. Впрочем, Большой зал был и вправду таким большим – восемьсот квадратных метров, – что в его бескрайних витиевато-золоченых просторах хороший, серьезный стол размером со среднюю столовую просто-напросто терялся.

Пора было действовать.

Мелисса по-пластунски выбралась из-под скатерти, в последний момент зацепившись-таки ступней за горячущий контейнер. Сверху, с расписного плафона «Триумф России», на премьер-министра укоряюще смотрела пухлая тетенька в довольно фривольных одеяниях, олицетворяющая Империю. Тетенька-Россия беззаботно парила среди голубого неба и облачков и даже не догадывалась о том, с какими вызовами столкнулась Мелисса на пути к реализации своего невинного в общем-то желания влюбить в себя Николаса и удержать его у власти.

Держа туфли в руке и мысленно благодаря родителей за свой маленький неприметный рост, Мелисса босиком подкралась к цели – пульту управления скатертью, небрежно оставленному кем-то на краю стола. Обожженная нога начинала пульсировать.

«Выберите трапезу», – предложил большой цветной дисплей.

– Ты, Пупочкин, много себе позволяешь! – доносились из противоположного конца зала крики грязноботиночного. – Растрелли ему уже не угодил! А следующий кто в твоем черном списке? Солнце, которое не туда светит? Может, тебе и окна в пол не нравятся?

– А что? – оборонялся Пупочкин, невидимый из-за спин своих коллег. – Понатыкали этих окон, солнце в них бьет, невозможно рассчитать яркость моих прожекторов!

«Торжественный обед в честь знакомства с великой княжной». – Мелисса ткнула пальчиком в строчку на экране.

Пульт тут же среагировал и вывалил нарядно оформленный список:

«Дата: 9 мая.

Украшение стола: розовые тюльпаны и свечи.

Вкусовые предпочтения едоков:

1) Ее высочество Екатерина – жареный каплун, салат из свеклы, кисель клюквенный с миндальным молоком, березовый сок.

2) Иван Воронихин – щи из кислой капусты с говядиной, жареная баранина на манер дичины, вафли сливочные.

3) Алексей Попович – борщ малороссийский, утка под соусом из цветной капусты, крем из виноградного вина, сбитень.

4) Его высочество Мануэль – тортилья с картофелем и луком, хамон нарезанный, каталонский крем с цедрой апельсина.

5) Граф Роберт Вяземский – жареная осетрина со снетками, соленые лимоны, пуншевое мороженое.

6) Семен Столыпин – суп из налимов, рябчики фаршированные, сухари из малины.

Вкусовые ограничения и запреты едоков:

1) Ее высочество Екатерина – шоколад (аллергия!).

2) Иван Воронихин – рыба (аллергия!).

3) Алексей Попович – нет ограничений.

4) Его высочество Мануэль – все продукты и блюда Южной Америки (не аллергия; отказ по политическим причинам).

5) Граф Роберт Вяземский – крестьянская еда (не аллергия; отказ по аристократическим причинам).

6) Семен Столыпин – молоко (не аллергия; не любит с детства).

Загрузка продуктов: готово.

Загрузка украшений: готово.

Начало приготовления: через 20 минут».

Скандал у дверей разрастался, к счастью для Мелиссы.

– Вот, вот план расстановки прожекторов, подписанный вами! – Осмелевший Пупочкин, подпитавшись пирожком, размахивал какой-то бумажкой. – Вы бы лучше главного оператора позвали! Это он во всем виноват, камеры свои не может правильно воткнуть. Где Голубцов? Подайте сюда Голубцова!

– Ты, Пупочкин, не забывайся! Для тебя наш главный оператор – не просто какой-то Голубцов, а его сиятельство граф Голубцов!

– Вот еще! Раз уж это ваше сиятельство устроилось к нам на работу, пусть не надеется, что перед ним тут все будут кланяться! Для меня он – всего лишь коллега, и к тому же не слишком хорошо выполняющий свои обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/peycheva_anna/velikaya-knyazhna-live

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити